

НЕ КЛЯНИСЬ МНЕ В ЛЮБВИ

18+

18+

Данила Капшук

Не клянись мне в любви

«Автор»

2026

Капшук Д. А.

Не клянись мне в любви / Д. А. Капшук — «Автор», 2026

В Велере обещания становятся нитями, а за нарушенные клятвы расплачиваются собственным телом. Девятнадцатилетняя швея Мира умеет распарывать то, что другие боятся даже трогать. Однажды в подкладке свадебного камзола хранителя Северина Дареста она находит своё имя. Стежки сделаны её рукой. Только самого Северина она не помнит. Он утверждает, что они любили друг друга. Следы прошлого ведут к сестре, которую все забыли, поддельным обязательствам и тайне города, защищённого от моря чужой болью. До свадьбы Северина остаются двенадцать дней. Чтобы вернуть сестру, Мире придётся принять его помощь — и узнать, какую роль он сыграл в её исчезновении. Но если любовь вернётся вместе с памятью, станет ли это причиной довериться ему снова?

© Капшук Д. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Содержание	6
Чужой шов	7
Вторая кровать	13
Примерка	18
Нижний стежок	24
Белый дом	29
Шестая опора	35
Невеста	41
Вода под полом	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Данила Капшук

Не клянись мне в любви

Не клянись мне в любви

Ромэнтэзи

18+

Для совершеннолетних читателей

Сцены насилия, принуждения, утраты и интимной близости

2026

Содержание

Глава 1 · Чужой шов
Глава 2 · Вторая кровать
Глава 3 · Примерка
Глава 4 · Нижний стежок
Глава 5 · Белый дом
Глава 6 · Шестая опора
Глава 7 · Невеста
Глава 8 · Вода под полом
Глава 9 · Тёплая вода
Глава 10 · Орен
Глава 11 · Дом Дарестов
Глава 12 · Неотправленные письма
Глава 13 · Урок свидетельства
Глава 14 · Книга отозванных
Глава 15 · Что остаётся после правды
Глава 16 · Своим именем
Глава 17 · Третья тарелка
Глава 18 · Первые листки
Глава 19 · Дом у отмели
Глава 20 · Почему я забыла
Глава 21 · Двенадцать часов
Глава 22 · Список тех кто придёт
Глава 23 · Без него
Глава 24 · До прилива
Глава 25 · Открытое слушание
Глава 26 · Узел
Глава 27 · Первая смена
Глава 28 · Не клянись
Глава 29 · После воды
Глава 30 · То что нельзя распороть
Глава 31 · Обычная рубашка
Эпилог · На обороте
ГЛАВА 1

Чужой шов

Первую чужую клятву я вырезала из подвенечного платья за три серебряных и банку гусиного жира.

Платье принадлежало женщине, которая пришла без пальто. На улице моросил ноябрьский дождь, но мокрыми у неё были только волосы и плечи: юбку она несла завернутой в клеёнку. Хорошая шерсть стоила дороже здоровья.

До неё я считала этот день почти удачным. Утром удалось растопить печь с первой спички, заказчик забрал брюки и не стал объяснять, почему чужой труд должен стоить дешевле хлеба. Ильва оставила мне ключ от передней, а сама ушла в кладовую разбирать зимние отрезы. В свои девятнадцать я ещё радовалась ключу. Он означал, что мне доверяют отвечать за деньги, не пускать пьяных и решать, какой ремонт можно принять без примерки.

Перед обедом я успела посадить три пуговицы на шинель сторожа. На четвёртой сломалась игла. Кончик отлетел под стол, и я стояла на коленях, шаря ладонью между досок, когда над дверью звякнул колокольчик. Вставать с таким лицом, будто тебя застали за важной работой, было уже поздно. Женщина увидела меня из-под стола и почему-то извинилась.

Я поднялась, отряхнула юбку. Снаружи грохотала телега с углём. Чёрные ручейки стекали из-под её колёс и смешивались в канаве с белыми ручейками от соляных складов. В нашем квартале по грязи можно было понять, чей товар везут.

Посетительница придержала дверь плечом. Ей не хватало руки, чтобы одновременно удержать свёрток и поднять задвижку. Я помогла. С близкого расстояния стало видно, что на висках у неё прилипли седые волосы, хотя самой женщине едва ли было сорок. На ногах — праздничные туфли, насквозь промокшие, одна застёгнута булавкой.

Она посмотрела на шинель у меня на столе, на полку с обрезками, на обычные медные ножницы. Я знала этот взгляд. Человек ждёт особой комнаты, тёмного стола и мастера, который одним движением снимет то, с чем он жил несколько лет. Потом видит девочку с ниткой на рукаве и почти уходит.

— Здесь мастерская Ильвы? — спросила она.

— Здесь.

— Мне нужен не совсем ремонт.

Я услышала, как за дверью кладовой остановился шорох ткани. Ильва тоже услышала посетительницу. Но не вышла.

— Мне сказали, здесь чинят старую вышивку.

Я перевернула табличку на двери. Вместо «Открыто» теперь было «Примерка».

Женщина смотрела, как я задвигаю засов, и старалась не кашлять. Это всегда заметно: человек чуть приподнимает подбородок, задерживает воздух, улыбается слишком плотно сжатыми губами.

— Снимите перчатки, — сказала я.

На сгибах её пальцев побелели крошечные корочки. Она потёрла их, и на стол упала соль.

Я поставила перед ней кружку. Не с водой — с тёплым отваром, который Ильва держала для таких посетителей. Вода причиняла боль, если кристаллы уже добрались до языка.

— Что вы обещали?

— Быть рядом.

— Точные слова.

Женщина прикрыла глаза.

— Быть рядом с мужем в болезни, пока он нуждается в моём уходе.

— А что написано в свидетельстве?

— То же самое.

— Вы читали его сами?

Она промолчала.

Я распустила нижний шов лифа. Под дешёвым кружевом лежала узкая золотая строчка. В мастерской Ильвы не было ни одной золотой катушки: только серебряные, медные и обычный лён. Золото принадлежало Палате клятв.

Муж женщины умер в прошлом году. Его брат забрал дом, а её оставил при себе ухаживать за своей матерью. Когда женщина попыталась уехать, начался кашель. Свидетельство, как объяснил ей пристав, распространялось на весь род супруга.

— Вы этого не обещали, — сказала я.

— Но оно действует.

— На нити можно привесить чужой груз. Это ещё не делает груз вашим.

Я не произносила этого уверенно. Ильва говорила, что уверенность хуже тупых ножниц: люди перестают замечать, где им режут кожу.

Между двумя стежками обнаружился маленький узел, густо промазанный прозрачной смолой. Он соединял исходное обещание с новой строкой. Я поддела узел иглой. Женщина схватилась за грудь.

— Назовите мужа.

— Матвей Нер.

— Когда он умер?

Она назвала день. Я попросила повторить и развернула принесённую ею больничную справку. Чёрная печать врача не светилась, не пела и ничего не доказывала магии сама по себе. Однако врач видел смерть, женщина сидела возле кровати, а исходная клятва кончалась там, где прекращалась нужда мужа в уходе. Мне требовалось вернуть нити именно эту границу.

Я не торопилась брать ножницы. Женщина следила за моей рукой, будто быстрее означало лучше.

— Как вас зовут?

— Вера.

— Мне нужно полное имя. Для работы.

Она назвала фамилию и вдруг покраснела.

— Девичью или его?

— Ту, под которой вы давали обещание.

Я написала имя на чистом листе. Не служебным округлым почерком, которому учила Ильва, а своим, с косыми длинными хвостами. Потом попросила женщину самой поставить рядом первую букву. Она долго подбирала карандаш так, чтобы больные пальцы его удержали. Пришлось обмотать дерево полоской ткани.

— Я думала, вы просто срежете золото.

— Если просто срезать, неизвестно, что останется на другом конце.

Вера посмотрела на закрытую кладовую.

— А ваша хозяйка знает, что вы делаете?

За дверью стукнуло что-то тяжёлое.

— Знает, — сказала я.

Я положила её свидетельство рядом с платьем и разгладила загнутые углы. Бумага была настоящая, с водяным знаком и тонкой золотой жилкой по краю. Между строками легко помещалась ещё одна строка. Писарь оставил место аккуратно, даже предусмотрительно. В таких пустотах Ильва заставляла меня проводить черту всякий раз, когда мы составляли расписку о принятом заказе. Я считала её скупердьяйкой, помешанной на бумагах.

— Кто был рядом, когда вы обещали?

— Лекарь. Соседка. Писарь пришёл после. Муж тогда уже плохо говорил.

— Повторите, как это было. Не те слова, которые я спрашивала. Всё, что сможете.

Она начала с погоды. Я едва не остановила её, но вспомнила Ильвино правило: человек не знает заранее, какое воспоминание окажется важным. Вера рассказывала, что окно никак не закрывалось, что лекарь разозлился на миску с золой, что муж попросил убрать цветы, от которых болела голова. Я записывала коротко. Когда она дошла до обещания, плечи у неё поднялись.

— Он боялся, что я уеду к матери. Мы перед этим ссорились. Я сказала, что никуда не уйду, пока нужна ему. Лекарь спросил, хочу ли я занести это в больничный лист. Чтобы брат мужа отпустил меня с работы. Брат держит прачечную. Я кивнула. Мне тогда показалось, это хоть какая-то польза от бумаги.

— Вы обещали оставаться после его смерти?

— Нет.

Она ответила резко, с обидой, словно я обвинила её в чём-то.

— Значит, мы не будем трогать то, что вы обещали. Только то, что пришили потом.

Я нашла край исходной нитки. От времени она потемнела, но лежала ровно. Добавление было свежее: слишком гладкое, с жирным блеском в сгибах. Тот, кто работал, не трудился подбирать толщину. Ему было достаточно, что женщина не умеет читать изнанку.

Я сунула руку под стол, достала коробку с обрезками и выбрала простой лён. Сшила пробную петлю. Вера смотрела в недоумении.

— Это зачем?

— Чтобы вы показали, где кончается ваше обещание.

Она осторожно дотронулась до ткани. Я объяснила: вот первоначальная строка, вот завиток дополнения. От прикосновения к завитку Вера закашлялась. От прямой строчки — нет. Я попросила убрать руку.

У меня вспотели ладони. Я вытерла их о фартук и заново проверила расположение узла. Илья не выходила. Я сердилась на неё за молчание и одновременно боялась, что сейчас она откроет дверь, взглянет на работу и велит отойти.

На улице снова прогрохотала телега. По витрине скользнуло отражение форменной фуражки. Вера резко схватила платье.

— Не сейчас, — сказала она. — Давайте я потом.

Золотой завиток натянулся. Её кисть свело, пальцы застыли, как когти. Я взяла ткань с обеих сторон от узла, чтобы движение не передалось дальше.

— Отпустите платье. Не тяните.

— Я не могу.

Сквозь стекло я увидела посыльного: он шёл к табачной лавке, размахивая газетой. Ни на нашу дверь, ни на табличку он не смотрел.

— Это не за вами. Дышите медленнее. Смотрите на мою руку.

Я считала, пока её пальцы не разжались. Потом придвинула стул так, чтобы Вера сидела спиной к окну.

— Кто вас привёл?

— Никто. Мне сказали адрес на рынке.

— Брат мужа знает?

Она помотала головой. Из рукава выпал маленький свёрток. Кусок мыла, гребёнка, запасная лента для волос. Всё, что она взяла, собираясь уйти из дома.

Я больше не спрашивала, почему она пришла без пальто.

— Продолжаем? — спросила я.

Вера посмотрела на дверь, потом на платье.

— Да. Сейчас.

Я разрезала добавочный стежок.

Женщина ударила ладонью по столу. Кружка опрокинулась. Она кашляла долго и страшно, пока я держала ей волосы и считала промежутки между вдохами. Потом в смятом платке осталась белая мокрая крупа.

— Теперь совсем пройдёт?

— Врач скажет. То, что уже повредило лёгкие, ножницами не исправить.

Она расплакалась только тогда, когда поняла, что может уйти.

Я взяла серебро и жир. За бесплатно люди потом боялись возвращаться: думали, что тоже дали какое-то обещание.

Я не сразу разрешила ей встать. Сначала убрала обрезанную нитку на блюдце, потом накрыла платье обычным полотном. Женщина дышала с открытым ртом и всё время прислушивалась к себе. Казалось, ей страшно пропустить момент, когда боль вернётся.

— Руку разогните.

Она распрямила пальцы. На указательном треснула белая корка. Под ней оказалась красная мокрая кожа.

Я принесла мазь, которой мы лечили ожоги от утюга, но вовремя остановилась: я не знала, можно ли ей мазать такие раны. Вместо этого отрезала чистую ткань и положила рядом. Вера потянулась за баночкой сама.

— Не надо, — сказала я. — Лучше лекарю покажите.

— Дорого.

Я нашла клочок бумаги и написала адрес бесплатного приёма у соляного склада. Ильва отправляла туда тех, кому после нашей работы делалось легче, но не хорошо. Принимали по вечерам. Вера смотрела на адрес, не беря его.

— Он меня назад не отправит?

— Не знаю. Я там не работаю.

Это было неприятно говорить. После удачного разреза хотелось стать человеком, который знает всё остальное. Я сложила листок вдвое и сунула в карман платья.

У неё была сестра за западной переправой. До парома оставалось два часа. Мы вместе проверили, есть ли в свидетельстве ещё одна связующая петля. Я ничего не нашла, но повторила проверку с другой стороны, поднеся шов к окну. Вера терпеливо ждала. Когда я закончила, она спросила, можно ли сжечь бумагу.

— Пока сохраните. Она доказывает, что было написано сначала.

— Мне казалось, если сжечь, больше ничего не будет.

Я подшила распоротый край белой ниткой. Простые стежки ложились медленно: руки дрожали сильнее, чем во время разреза.

— Мне тоже много чего казалось, — ответила я.

На плечи ей я накинула старую шаль, которой Ильва прикрывала манекен. Вера стала отказываться, потом предложила доплатить, потом принялась искать в сумке деньги. Я сказала, что шаль надо будет вернуть после стирки. Это устроило её сразу.

До двери она дошла сама. Остановилась на пороге, потрогала горло и спросила, действительно ли я уверена.

Я не поняла, о чём именно. Вера тоже не смогла объяснить. Она кивнула мне, будто мы договорились, и вышла, прижимая платье к груди.

Сквозь витрину я видела, как она перешла улицу. На другой стороне пришлось постоять перед угольной телегой. Вера сделала два быстрых шага и не согнулась от кашля. Я поймала себя на том, что улыбаюсь.

Потом посмотрела на блюдце.

Там лежало меньше нитки, чем нужно для одной пуговицы. Я взяла пинцет и поднесла обрезок к свету. Смола склеила два разных волокна, сделав их с виду одним. Я попыталась

разделить их иглой, чтобы понять способ соединения, но кисть опять задрожала. Пришлось положить инструмент.

Только теперь стало страшно. Если бы я ошиблась со стороной петли, Вера ушла бы без своей последней опоры или не ушла бы совсем. А я всё равно думала бы, что помогаю.

Я села на её стул. От сиденья шёл слабый запах сырой шерсти. За дверью кладовой тихо переставили коробку, и я рассердилась на Ильву так сильно, что испугалась уже собственной злости.

Наконец Ильва вышла из кладовой. Она слышала всё. Моя наставница никогда не вмешивалась в работу, пока не решала, что я сейчас кого-нибудь убью.

— Узел сохранила?

Я показала блюдце.

— Сожги. И руки вымой. У нас казённый заказ.

На стол легла плоская коробка с гербом Велеры: башня, три волны и игла. Под крышкой оказался чёрный свадебный камзол. Шерсть была такой мягкой, что пальцы захотели задержаться на ней, хотя я уже ненавидела будущего хозяина за саму возможность её носить.

На карточке стояло: «Хранитель Северин Дарест. Подготовить к Обряду обновления. Двенадцать дней».

— Рукава укоротить? — спросила я.

— Подкладку заменить. Остального не касаться.

Я вывернула левую полу. Внутри, прямо над местом, где у человека бьётся сердце, золотом было вышито моё имя.

Мира Вель.

Не однофамилица. В последней букве торчал короткий кривой стежок — мой собственный способ завершать работу, которому Ильва безуспешно пыталась меня разучить.

— Ты шила этот камзол раньше? — спросила я.

Ильва посмотрела на имя и слишком быстро отвела глаза.

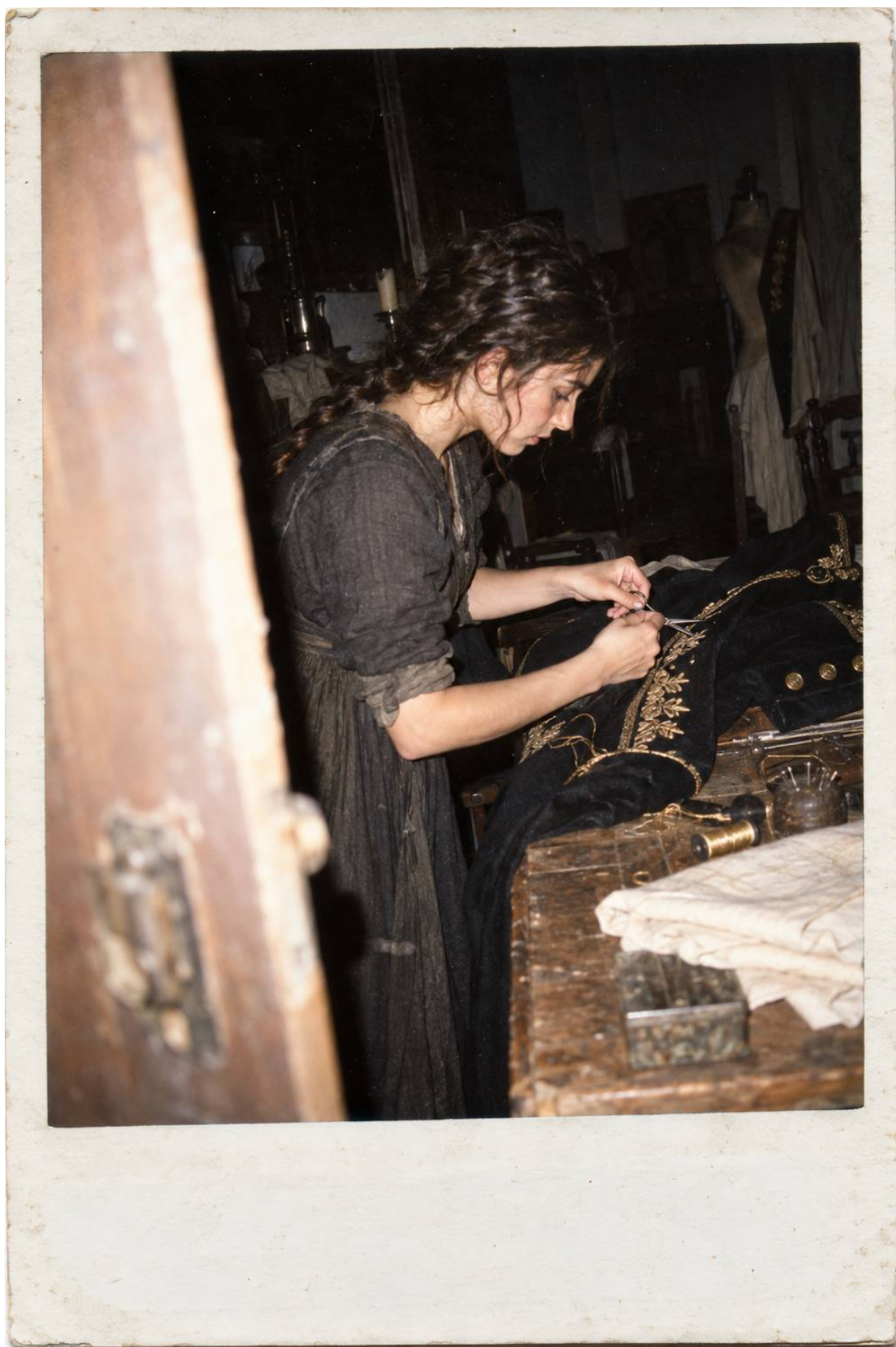
Из передней пришёл сухой щелчок. На мгновение дверная щель стала белой: кто-то сделал снимок со вспышкой.

Я бросилась к двери, но увидела только мокрую улицу и удаляющуюся спину человека под широким плащом. На пороге лежала вторая карточка. Никакого герба, только продавленный карандашом адрес.

«Соляной спуск, девять. Спроси о второй кровати».

У нас дома действительно стояли две кровати.

Я никогда не могла объяснить зачем.

ГЛАВА 2

Вторая кровать

Мать спала на кухне, положив голову на сложенные руки. Возле локтя лежала остывшая картофелина. Она снова приготовила слишком много.

Я разбудила её, отвела в комнату и сняла с её плеч платок. Мать попросила оставить дверь открытой.

— Для кого?

— Чтобы не было душно.

В комнате было холодно. Из треснувшей рамы тянуло так, что край занавески почти касался железной кроватной спинки.

Моя кровать стояла у стены. Вторая — под окном. На ней лежало одеяло, заправленное с такой точностью, с какой мать никогда не заправляла моё. Под кроватью прятались высокие ботинки. На одном не хватало шнурка.

— Это чьи?

— Старые, — сказала мать. — На тряпки оставила.

Ботинки нельзя было пустить на тряпки. Я не стала спорить.

После её ухода я вынула из-под матраса жестяную коробку. Такую же коробку хранила там всегда и каждый раз удивлялась, что она не моя. Внутри лежали моток красной нитки, билет на речной паром и деревянная заколка с отломанным зубцом.

Пока я держала заколку, у меня болели дёсны. Не воспоминание, не голос, не видение. Просто тело ожидало чего-то, чего голова не умела назвать.

На обратной стороне билета я прочитала: «Две взрослые. Верхняя палуба».

Внизу были цифры, которыми кто-то считал деньги. У меня была привычка перечёркивать семёрки. У этого человека — тоже, но гораздо сердитее.

Я пошла на Соляной спуск до рассвета.

Дом номер девять оказался фотомастерской. Над окном висела выцветшая вывеска «Лица Соль. Моментальные портреты». Фамилия здесь была хорошей рекламой и дурной шуткой: половина Велеры умирала с солью во рту.

Дверь открыла девушка в мужском свитере. Волосы она отрезала так коротко, словно мешавшие пряди пришлось снимать по одной. На её шее висела тяжёлая складная камера.

— Ты всё-таки пришла, — сказала она.

— Мы знакомы?

Она выдохнула через нос.

— Это всегда отвратительный вопрос.

Я показала карточку.

— Ты меня снимала?

— Да. Надо было понять, что ты нашла имя. И осталось ли оно на снимке.

— Ты могла спросить.

— Могла.

Она не добавила оправдания, и это немного уменьшило моё желание ударить её камерой.

Мастерская пахла уксусом и мокрым картоном. На столе лежали толстые белые карточки: особая бумага с запаянным реактивом проявляла изображение сама. Никакой клятвенной магии. Серебро, свет и дорогая химия из южных городов. Палата разрешала такие аппараты, потому что считала изображения менее надёжными, чем человеческая память.

Лица выдвинула ящик и положила передо мной фотографию.

На ней я сидела на лестнице возле нашей кухни. Рядом стояла женщина чуть старше меня, светловолосая, с тяжёлой косой. Она смеялась, запрокинув голову. В руке держала тот самый ботинок без шнурка, словно собиралась швырнуть его в фотографа.

— Тея, — сказала Лика. — Твоя сестра. Двадцать три года. Работала счётчицей в Палате. Её лишили имени девять месяцев назад.

Я смотрела на лицо и не чувствовала ничего.

Это оказалось страшнее, чем боль.

— Мою сестру я бы помнила.

— Именно.

Лика положила второй снимок. Я и Тея над тарелкой печёных яблок. Тея откусывала яблоко с ножа. Моё лицо было искажено от отвращения.

Я ненавидела печёные яблоки. Однажды мать сказала, что раньше любила. Мы решили, что вкус меняется с возрастом.

— Где она?

— В Белом доме. Восточное крыло.

Дом для безымянных стоял у старых солеварен. Его окна были забелены известью. Жители Велеры обходили его стороной, хотя рядом находился самый короткий путь к пристани.

— Почему ты помнишь?

— Не помню. Записываю. Смотри.

Лика показала запястье. Чернилами было выведено: «Тея Вель существует. Проверь ящик три каждое утро».

— Иногда забываю, зачем написала. Тогда читаю журнал. Потом смотрю фотографии. Заново узнаю, что у меня была подруга.

Я взяла снимок с ботинком.

— Можно?

— Он твой. Ты сама велела мне сохранить его.

Я не ушла сразу. На улице начинался дождь, который в Велере называли мелким, хотя он умел добраться до кожи через два пальто. Лика предложила переждать. Я согласилась, потому что за дверью пришлось бы решить, куда идти с незнакомой сестрой в кармане.

В мастерской было две комнаты. В передней стояли кресло с отломанным подлокотником, ширма и нарисованная на холсте южная набережная. Позади холста теснились баночки, железная печка и узкая кушетка. С потолка свисали прищепки. Несколько держали мокрые носки.

— Красиво живёшь, — сказала я.

— Носки могу убрать.

Я села на край кушетки. Лика поставила на печь чайник, обернулась и заметила фотографию, которую я всё ещё держала двумя пальцами, за самые края.

— Она не заразная.

— Бумага дорогая.

— Здесь можно пачкать дорогие вещи.

У Лики было неприятное свойство: она говорила именно то, чего я не могла себе разрешить. Мне захотелось уйти. Вместо этого я положила фотографию на колено.

— Расскажи, как вы познакомились.

Лика открыла рот и тут же его закрыла. Потом выдвинула тот самый третий ящик.

— Сейчас.

Из ящика появилась тетрадь с красным корешком. Между страниц торчали квитанции, куски упаковки, узкие полоски ткани. Лика долго листала. Я слышала, как под её ногтями шуршит бумага, и с каждой страницей всё сильнее боялась, что сейчас она удивится моему присутствию.

— В лавке у переправы, — прочитала она. — Она спросила, умею ли я делать снимок так, чтобы человека было нельзя узнать. Я сказала: обычно это получается без дополнительных просьб.

Лика улыбнулась своей записанной шутке, но улыбка исчезла раньше, чем она подняла голову.

— Не помнишь?

— Иногда кусками. Движение, ругань, запах. Я знаю, что она смеялась, когда сердилась. Но откуда знаю — из жизни или из этих страниц, уже не разберу.

— Тогда почему ты уверена, что здесь правда?

Лика кивнула так, словно ждала этого вопроса с моего прихода.

— Не уверена во всём. Поэтому не держу одно доказательство. Смотри.

Она перевернула тетрадь. Внутри обложки лежали три квитанции с одинаковой суммой и разными почерками. Заказ на шесть портретов. Получатель — Тея Вель. На одной бумажке была подпись моей матери.

Я узнала её сразу: мать выводила первую букву имени старательно, остальные как будто стеснялась занимать ими чужое время.

— Это можно подделать.

— Можно. А ещё есть хозяйка лавки, которая помнит, что получила деньги. Имени покупательницы она не удерживает, зато сумму — прекрасно. Есть дата на упаковке реактива. Есть твоя расписка: ты заняла у меня половину стоимости, потому что хотела отдать маме снимок к её именинам.

Она протянула маленький листок. Я прочла его дважды. Почерк был мой, включая ошибку в слове «возвращаю», которую Ильва всякий раз исправляла красным.

— Ты уже вернула, — сказала Лика. — На всякий случай сообщаю.

На стол прыгнула полосатая кошка. Она обнюхала квитанции, наступила на мою расписку и потребовала внимания таким голосом, каким у нас требовали уплаты недоимки.

— Это Тушь. Ей нельзя в переднюю, она обдирает фон. Тушь, познакомься с человеком, который трижды обещал больше тебя не кормить.

— Я не помню.

— А она помнит. У животных с человеческими должностями сложные отношения.

Кошка ткнулась мне в пальцы. Я почесала ей ухо, и она сразу повалилась набок, едва не сбросив тетрадь. Самое простое живое существо в комнате безоговорочно считало меня своей знакомой. Мне пришлось отвернуться к окну.

Лика не подошла. Вытащила из печи противень с двумя подгоревшими лепёшками, соскребла ножом чёрную корку. Это было тактично и довольно грустно: видимо, она знала, что мне легче плакать, когда никто не смотрит.

Я не заплакала.

— Почему ты раньше не пришла?

Она положила нож.

— Приходила.

Я подняла голову.

— В марте. Потом летом. Ты принимала меня за покупательницу. Я показывала снимок, ты обещала поговорить с Ильвой. На следующий день знала, что у тебя была посетительница с камерой. Всё остальное расплзлось. У меня тоже. Мы смогли удержать только адрес Белого дома и номер крыла. Я написала их на стене, под обоями.

— А теперь почему иначе?

— Не знаю. Может, потому что ты нашла своё имя. Про себя ты способна помнить. А через себя уже проверяешь остальное.

— Может?

— Мира, я фотограф. Если бы я умела объяснять работу имён, у меня был бы дом без плесени.

Я ощутила облегчение от её раздражения. Слишком много людей вокруг умели отвечать уверенно. Даже собственная мать была уверена, что держит ботинки на тряпки.

На дверь постучали. Я вздрогнула, сунула снимок под кофту. Лика посмотрела на это движение, но промолчала.

Пришли мужчина в форменном пальто и мальчик лет десяти. У мужчины один рукав был приколот к груди. Мальчик нёс футляр со стеклянным глазом для фонаря; я сначала приняла его за игрушку.

— На документ, — сказал мужчина. — Сегодня можно?

Лика ответила, что можно, поставила кресло перед серой стороной фона и спросила, нужен ли ему портрет отдельно. Мужчина отказался. Мальчик согласился слишком быстро.

— Пап, давай вдвоём.

— Нам на пособие нужно, Лёнь.

Лика уже откидывала крышку камеры.

— Последняя карточка в кассете всё равно часто портится. Проверим на вас.

Мне было видно, как она незаметно вставляет новую кассету.

Мужчина сел, мальчик встал сбоку, положил руку ему на плечо. Отец убрал её. Потом, подумав, вернул. Лика попросила не улыбаться по приказу. Оба сразу заулыбались.

Вспышка наполнила мастерскую белым светом. Я на мгновение перестала видеть лица, только услышала, как мальчик втягивает воздух от восторга.

Лика вынула карточку и положила под перевёрнутую чашку.

— Не трясись, — велела она мальчику. — Изображение от этого не торопится.

Пока фотография проявлялась, мужчина заполнял квитанцию. Правой руки у него не было.левой он писал медленно, прижимая бумагу локтем. Когда он назвал фамилию, Лика повторила её вслух и записала на обороте портрета вместе с датой.

Мальчик спросил, обязательно ли это.

— Желательно, — ответила она. — Потом будете спорить, сколько тебе здесь лет.

Они ушли с двумя карточками за цену одной. Я подождала, пока стихнут шаги, и спросила:

— Ты всех записываешь?

— Теперь да.

— Раньше тоже кто-то исчезал?

Она убрала чашку в шкаф, хотя та была чистой.

— Я находила портреты, за которыми никто не приходил. Думала, людям не понравилось лицо. Иногда действительно не нравилось. А иногда я даже не могла вспомнить, когда снимала.

— Ты проверяла?

— После Теи начала. До неё было удобно считать, что я просто устаю.

В ящике под тетрадь лежал толстый конверт. Лика вытряхнула его на стол. Десятки маленьких лиц: женщины в праздничных кофтах, рабочие, двое молодых людей с одинаковыми веснушками. На оборотах были числа, пятна клея, иногда имена, иногда вопросительный знак.

Я потянулась к одной карточке, но Лика остановила мою руку.

— Не смешивай. У меня порядок.

На снимке, который я хотела взять, женщина держала младенца. Я не знала ни одного из них. В этом не было ничего необычного. От этой обыденности стало холодно.

— И сколько?

— Семнадцать, которых я не могу объяснить. Это не значит, что всех забрали. Кто-то уехал. Кто-то умер. Я не стану придумывать им судьбу только потому, что боюсь.

Мы разложили фотографии обратно. Я держала снимки за края. Теперь Лика не шутила.

Перед уходом она дала мне чистую карточку и карандаш.

— Напиши, что знаешь сейчас. Только своё. То, что видела, что прочитала. Отдельно — что я сказала.

Я хотела возразить: моя память была моей, и мне надоело, что все учат ею пользоваться. Потом вспомнила ботинки и написала четыре строки.

На пятой остановилась.

«У меня есть сестра».

Рука не желала выводить эти слова. Они выглядели утверждением, которое ещё надо было заслужить.

Я перечеркнула и написала иначе: «Я должна увидеть Тею Вель».

Лица прочитала через моё плечо.

— Подойдёт.

— И камзол?

Лица посмотрела в окно.

— Это лучше спросить у Северина. Только не позволяй ему отвечать вместо тебя.

Дождь закончился. У порога я повернулась.

— Если я опять забуду, приходи.

Она не ответила сразу. В её лице мелькнула такая усталость, что мне стало стыдно за лёгкость просьбы.

— Я постараюсь, — сказала она.

Я убрала карточку во внутренний карман, рядом с фотографией. Этого ответа было достаточно, чтобы выйти на улицу.

ГЛАВА 3

Примерка

Я успела вернуться раньше назначенной примерки. Вчера заказная карточка казалась обычной: размер, срок, подпись. Теперь я увидела в ней то, чего не замечала. Время приезда было вписано отдельно от остального текста, более тёмными чернилами. Ильва знала, когда придёт хозяин камзола. Знала, что я буду здесь.

В передней пахло нагретым воском. Наставница натирала им ножницы, хотя делала это по воскресеньям, а до воскресенья оставалось несколько дней.

— Где была? — спросила она.

Я сняла мокрый платок.

— Дома. Потом на Соляном спуске.

Воск остановился посреди лезвия. Ильва посмотрела на меня поверх очков.

— Завтракала?

— Это сейчас самое важное?

Она опустила глаза, вытерла ножницы и положила на край стола ручками ко мне.

Я хотела достать фотографию Теи, положить рядом и не дать ей отвести взгляд. Но на улице появился человек с коробкой для шляп, за ним женщина с детским пальто. Начался рабочий день. Детское пальто оказалось слишком узким, и женщина сердилась так, словно это мы вырастили её ребёнка за зиму.

Я принимала заказ, записывала пожелания, считала стоимость ткани для вставок. Руки делали своё, а внутри всё отставало на одно движение. Когда покупательница попросила повторить цену, я назвала день рождения. Чей — не поняла.

— Ты заболела? — спросила Ильва, закрыв за ней дверь.

— Я не знаю.

Она хотела коснуться моего лба. Я отстранилась. Это было первым моим ответом, которого она, кажется, не ожидала.

До примерки оставалось четверть часа. Я вынула камзол и разложила на большом столе. При дневном свете золото выглядело тусклее. Моё имя находилось чуть выше внутреннего кармана, там, где плотная ткань обычно закрывает лишние припуски.

Я продела в иглу красную нитку и на отдельном лоскуте написала «Мира». Работа заняла меньше минуты. Последний стежок получился с тем же наклоном. Я попыталась повторить его прямо и испортила букву. На камзоле лежало доказательство, которое можно было потрогать, но невозможно было расспросить.

Ильва подошла с новой подкладочной тканью.

— Плотность не та, — сказала я.

— У этой лучше держится край.

— Здесь раньше был другой шёлк.

— Этот привезли.

Мы говорили о шёлке, глядя на моё имя. Я чувствовала, как между лопатками собирается пот. Вера вчера пришла с чужим грузом в собственном платье. Я даже не знала, в чьей вещи оказался мой.

— Ты бы заметила, если бы я взяла у тебя золотую нитку?

Ильва положила ткань.

— Да.

— Значит, я брала её не здесь.

Она ничего не сказала.

Я повернула табличку на «Примерка» ещё до стука. Наставница ушла в кладовую, и я едва не позвала её обратно. Мне не хотелось оставаться с хозяином камзола одной. Ещё меньше мне хотелось признаться в этом при ней.

Северин Дарест пришёл без охраны, и это показалось мне первым проявлением высокомерия. В нижнем городе он не видел никого, кого стоило бы опасаться.

Потом я заметила, как он проверил отражение улицы в витрине, прежде чем войти, и поняла, что ошиблась. Он опасался всех и не хотел приводить с собой свидетелей.

Ему был двадцать один год. Я знала это по ежегодному городскому календарю: там печатали возраст хранителя, даты приливов и размер пошлины на похороны. На гравюре он выглядел старше. Вживую у него были усталые серые глаза, коротко обрезанные тёмные волосы и свежий порез на подбородке.

— Госпожа Вель.

Он произнёс мою фамилию без вопроса.

Я разложила на столе сантиметр, булавки и узкие ножницы.

— Раздевайтесь.

Ильва закашлялась у себя в кладовой. Я уточнила:

— До рубашки. Мне нужно проверить плечи.

Он снял пальто. Его правая рука двигалась хуже левой. На запястье, под манжетой, белела полоска соли.

— Болит?

— Иногда.

— Я спросила не про погоду.

— Да.

Я указала на низкую деревянную подставку у зеркала. Обычно мужчины спрашивали, зачем она нужна, даже когда прекрасно знали: без неё подол получался неровным. Северин встал сразу, осторожно перенес вес на левую ногу.

На рубашке у него была плохо заштопанная прореха под мышкой. Работа чужая, торопливая. Я увидела её и зачем-то подумала, что раньше сама не оставила бы такую прореху. От этой мысли стало неприятно. У меня не было никакого раньше рядом с ним — только пустое место, в котором кто-то, возможно, пользовался моими иглами и моим временем.

— Руку поднимите.

Он поднял правую до плеча, дальше не смог. Не сказал, что не может. Просто остановился и смотрел в зеркало, ожидая, замечу ли я.

Я перенесла сантиметр ближе к запястью.

— С другой стороны сделаем.

Он повернулся. Пуговица на вороте зацепилась за ленту, я потянулась освободить её и почувствовала тепло кожи под пальцами. За воротом, выше ключицы, белела полоска старого шрама. Она уходила в ткань, и мне захотелось увидеть, где кончается.

Я отёрнула руку так резко, что сантиметр хлопнул его по груди.

— Простите.

— Ничего.

Его голос изменился. Я посмотрела в зеркало и поймала взгляд: он наблюдал не за моими руками, а за лицом. Не ждал, когда закончатся неудобства примерки. Ждал чего-то другого.

— Вы меня уже видели?

— Да.

— Здесь?

— И здесь тоже.

— Как давно?

Он посмотрел на дверь кладовой. Меня начала злить эта дверь. Казалось, там лежат все ответы, а я стою в соседней комнате и не умею повернуть ключ.

— Давно, — сказал он.

Я записала длину плеча слишком сильно нажимая карандашом. Грифель сломался. Северин шагнул было с подставки, словно хотел помочь, но остановился.

— Стойте. Иначе снимать заново.

Он послушался. Я достала второй карандаш. На спинке стула лежали его перчатки; большой палец правой был стёрт почти до подкладки. У человека с таким камзолом могли быть новые перчатки каждый день. Я обнаружила, что собираю о нём сведения так же, как собирала о Вере: не то, что говорят, а то, что забывают спрятать.

— Вы их сами чините?

— Что?

— Перчатки.

— Нет. Откладываю.

— Долго откладываете.

— Да.

Разговор получался до нелепого обычным. Мне хотелось спросить, откуда у него моё имя, но я не могла перейти прямо к вопросу. Он стоял так близко, что я различала на его шее след от неудачного бритья. Незнакомый человек не должен был казаться настолько доступным для прикосновения.

Я обошла подставку и сделала вид, что проверяю посадку у спины. На зеркале расплывались серые пятна старой амальгамы. В одном из них его отражение теряло половину лица. Мне стало легче смотреть именно туда.

— Кто дал вам адрес нашей мастерской?

— Я знал его.

— Заказы обычно передают через городскую швейную.

— Этот попросил передать отдельно.

— Почему?

Он помедлил.

— Здесь умеют работать с таким швом.

Я вонзила булавку в подушечку. Слишком глубоко. Пальцы нашли остриё с другой стороны, и на коже появилась капля крови.

Северин заметил раньше меня.

— Вы укололись.

Я вытерла палец.

— Бывает.

Он сжал ладонь так, словно удерживал собственную руку от движения. Это было маленькое, почти незаметное усилие. Я вдруг поняла, что он тоже боится этой примерки, и от этого не стало безопаснее.

В кладовой звякнула банка. Я попросила Ильву принести новые булавки, хотя их хватало. Ответа не было несколько секунд, потом она сказала, где лежит запас. Не вышла.

Я достала камзол из коробки и впервые за всё время посмотрела Северину прямо в лицо.

Я обошла его со спины. Он стоял слишком прямо. Люди так стоят у врачей и перед расстрелом, хотя ни то ни другое в моей мастерской пока не практиковалось.

Когда я прикоснулась к его лопатке, он дёрнулся.

— Простите.

— За что?

— Неважно.

Я подала камзол. Он увидел подкладку и побледнел, но надел вещь без единого вопроса.

— Кто такая Мира Вель? — спросила я.

— Вы.

— Почему я у вас под сердцем?

Он посмотрел на Ильвину закрытую дверь.

— Нам нужно поговорить без свидетелей.

— Тогда говорите тихо.

Я поднесла ножницы к золотой нитке. Он схватил меня за руку, слишком быстро для человека с большим запястьем.

— Не режьте.

Я посмотрела на его пальцы.

Он сразу отпустил.

— Если хотите что-то запретить, — сказала я, — сначала объясните.

— Это связующая нить. Она держит отдельно ваши воспоминания о нескольких месяцах прошлого года. Если разрезать её сразу, вернётся всё. Не по порядку.

— Кто решил их убрать?

Он долго молчал. На улице стучали колёса молочной тележки. Ильва перестала возиться в кладовой.

— Вы попросили.

Я рассмеялась. Смешного не было ничего.

— Очень удобно.

— Да.

Этот ответ был хуже оправдания. Я хотела разозлиться на лжеца, а передо мной стоял человек, который даже не пытался выглядеть невиновным.

— Вы можете доказать?

— Есть запись. Вашим почерком. Есть свидетель.

— И кто же?

Он снова взглянул на дверь.

Ильва вышла сама.

— Я, — сказала она.

Я отступила от них обоих. Сантиметр соскользнул с моего плеча на пол. Ильва наклонилась его поднять, будто обычный порядок вещей ещё можно было восстановить таким движением.

— Ты знала про Тею?

— Знала, что должна тебе сказать. Потом забывала. Сведения про неё уходят. Про тебя — нет.

— Значит, про меня ты молчала сознательно.

— Да.

Мне захотелось сесть, но я осталась стоять. Если сесть, они могут заговорить мягче. Принести воды, объяснить, что надо отдохнуть. Я знала, как это бывает с клиентками, которые начинают плакать на примерке: сначала их жалеют, потом уже не слушают.

— Когда я была здесь в последний раз вместе с ним? — спросила я Ильву.

— Зимой.

— Я работала?

— Да.

— Вы разговаривали при мне?

— Разговаривали.

— О чём?

Ильва сняла очки. На переносице остались две красные вмятины.

— Об этом заказе. Не только.

— Я могла сидеть за этим столом, пить из той чашки, — я показала на полку, — а потом несколько месяцев каждый день проходить мимо и не знать?

Никто не ответил. Ответ уже был в комнате, в том, как они стояли по разные стороны от меня и не смотрели друг на друга.

Я подошла к полке. У меня была любимая синяя чашка с надколотым краем. Рядом стояла белая, слишком большая для Ильвы. Я считала её запасной, для клиентов. Теперь мне показалось, что я понимаю, почему всегда ставлю её ручкой влево.

— Эта ваша? — спросила я Северина.

Он посмотрел и покачал головой.

— Нет.

Я испытала такое сильное облегчение, что сразу разозлилась на него. Мне не хотелось разбирать каждую вещь в собственной жизни, спрашивая разрешения считать её своей.

— Вы сказали, я попросила. Я могла передумать?

— Да.

— Как, если я не знала, о чём передумывать?

Северин открыл рот и закрыл. Ильва посмотрела в пол.

На улице кто-то стукнул по витрине: знакомая прачка показывала, что вернётся вечером за подолом. Я машинально кивнула. Прачка улыбнулась и ушла. Меня поразило, что снаружи я выгляжу обычной девушкой, которая помогает наставнице в мастерской. Ничто в лице не показывает, сколько у тебя осталось собственной жизни.

— Запись где?

— У меня, — ответила Ильва.

— Покажи.

Она шагнула к кладовой, потом остановилась.

— Сначала надо объяснить, что ты увидишь.

— Бумагу. Ты сказала, запись.

— Мира...

— Я умею читать.

Ильва потёрла переносицу. За годы ученичества я выучила все признаки её раздражения. Этот означал, что она хочет повысить голос, но считает меня слишком уставшей, чтобы это помогло. Я вдруг увидела себя её глазами: молодая, испуганная, резкая. Человек, которого можно переждать.

— Не надо смотреть так, — сказала я.

— Как?

— Будто я потом успокоюсь и соглашусь.

Северин сделал шаг к двери. Я услышала, как скрипнула половица под его ногой.

— Вы куда?

— Дам вам поговорить.

— А если я хочу спросить вас?

Он остановился.

Я сама не знала, что хочу спросить первым. Любил ли он меня. Любила ли я его. Что он сделал. Что сделала я. Почему на его лице больше ожидания наказания, чем удивления. Все вопросы толкались одновременно, и ни один не помещался в горле.

— Вы женитесь, — сказала я наконец.

— Это обрядовый союз.

— Как удачно.

Он принял укол молча. Я ненавидела его молчание сильнее, чем ненавидела бы объяснение. Оно позволяло мне представлять всё самое плохое, но не давало зацепиться ни за одно конкретное слово.

— Я не собираюсь сейчас просить вас что-то помнить, — сказал он. — Только не режьте основную нить одним движением. Вы можете начать с отдельного замка. Если решите.

— А если не решу?

— Тогда не надо.

Ответ прозвучал слишком просто. Я посмотрела на камзол, на подкладку, на блестящие буквы. Если отложить его, всё останется на месте: работа, мать, Ильва. Только я уже буду знать, что рядом есть другая жизнь, которую они считают удобнее держать в коробке.

Я взяла ножницы. Ильва едва заметно напряглась. Я не стала резать. Повернула инструмент ручками к себе, чтобы обоим было видно, что рука у меня не дрожит.

На самом деле дрожало всё остальное.

Я поставила ножницы остриём вниз.

— Уходите. Оба.

Ильва осталась. Северин забрал пальто, но камзол оставил.

На пороге он сказал:

— Если решите возвращать память, начните с нижнего стежка. Он самый поздний. И пусть рядом будет кто-то, кому вы сейчас доверяете.

— Вам я не доверяю.

— Я понял.

Он закрыл дверь осторожно, чтобы не звякнул колокольчик.

Я подняла камзол. Под воротником, возле самого шва, виднелась ещё одна строчка. Не золотая — красная. Я сама вышила её с изнанки, мелко и неровно.

«Если снова согласишься ему, сначала спроси про шлюз».

ГЛАВА 4

Нижний стежок

Я не простила Ильву. Но попросила её остаться рядом, потому что Лика умела обращаться с реактивами, а не с людьми, которые перестают дышать.

Лику я привела сама. После ухода Северина мне пришлось выйти из мастерской, хотя ноги казались чужими. Я дошла до Соляного спуска, показала ей красную строчку и сказала, что собираюсь кое-что разрезать. Она закрыла ставни, взяла сумку и ни разу не спросила, уверена ли я. По дороге мы остановились у водоразборной колонки. Я долго мыла пальцы, на которых не было ничего, кроме мела.

Теперь мы сидели на полу мастерской. На столе нельзя было уложить человека, не сбросив утюг, а на кушетке за печью я задыхалась ещё до начала работы: слишком близко оказалась стена.

— Если потеряю сознание, — сказала я Лике, — воду в рот не лей.

— Я принимала тебя после первой пьянки.

— Тогда ты тоже лила.

— Тогда ты кусалась.

Ильва положила под мою голову сложенное пальто. Впервые я увидела, как у неё дрожат руки. Она пыталась заправить рукав так, чтобы пуговица не попала мне под затылок, и никак не могла поймать край. От этого не стало легче: страх человека, который меня предал, не отменял предательства.

— Не ложись ещё, — сказала она. — Посмотри при свете.

Она передвинула лампу к самому краю стола. Лика придержала тяжёлую подставку. В жёлтом круге оказались наши три пары рук, и на мгновение всё выглядело привычной работой: старшая мастерица проверяет, ученица торопится, подруга мешает локтем.

Я расстелила камзол на листе упаковочной бумаги. Подкладка скользила по коленям. Золото возле моего имени оставалось холодным, а нижний ряд будто лежал над тканью, не касаясь её.

— Покажи, где, — попросила Ильва.

— Ты не знаешь?

Она покачала головой.

— Замки ставила ты. Я держала основу.

— И научила меня потом не видеть?

Лика перестала поправлять лампу. Ильва подняла глаза.

— Нет. Я не умею делать так. Я знала, какой вещи не должно быть у тебя в руках, и следила, чтобы её не принесли.

— Хорошо следила.

Она приняла это без ответа. Мне стало немного легче и сразу противнее от того, что стало легче.

Я положила рядом чистую иглу, узкие ножницы и обычную белую нитку. Хотела налить воды в блюдце для проверки обрезка, потом вспомнила, что не знаю, как поведёт себя такой шов. Убрала блюдце. Здесь мои привычки могли только мешать.

Лика достала блокнот.

— Что писать?

— Когда начну. Когда закончу. Что скажу.

— Дословно?

Я посмотрела на вышитую угрозу самой себе.

— По возможности.

Ильва опустилась на колени с другой стороны. Ей было больно: я знала её колено, знала, что к дождю она всегда ставит правую ногу прямо. Сейчас она села неправильно и даже не поморщилась.

— Не режь, пока не увидишь обе стороны петли, — сказала она.

— Я не в первый день с ножницами.

— Знаю.

— Тогда не говори со мной как в первый день.

Она отодвинула от моего локтя свою ладонь. Я сама попросила её остаться, а теперь не выносила ни её помощи, ни отказа от помощи.

Нижний стежок был длиной с ресницу. Я рассматривала его через лупу, пока не нашла место, где нить входила в ткань дважды. Это был замок. Обычно такие ставили на саванах, чтобы чужая клятва не удерживала покойника возле дома.

На саванах, которые показывала мне Ильва, петля затягивалась наружу. Здесь её спрятали в сгибе, под двумя совсем обычными шёлковыми стежками. Я распустила шёлк. На нитке осталась крохотная капля воска. Кто-то — я — провёл ею по пальцам перед последним швом.

— Тебя этому я не учила, — сказала Ильва.

— Зато кто-то научил.

Я не спросила кто. Она могла ответить, и тогда перед разрезом у меня появилась бы чужая картинка, под которую память стала бы подбирать себя.

Ножницы скользнули по золоту. Я остановилась, поставила локоть на свёрнутое полотенце и попробовала ещё раз. В мастерской было слышно, как щёлкает остывающая печь. Где-то за перегородкой покатила катушка. Я подумала, что её надо поднять, иначе потом наступлю.

Я разрежала замок.

Сначала вернулся запах. Ржавчина, холодный хлеб, мокрая шерсть. Потом я оказалась на каменной лестнице, прижимая ладонь к чужой шее.

Северин сидел на ступеньке ниже. Из-под моих пальцев текла кровь. Он пытался что-то сказать, но я велела молчать. Я говорила совершенно другим голосом — низким, злым, таким, которого у себя никогда не слышала.

«Не смей сейчас извиняться. Потом будешь».

Его рука держала мою ногу выше щиколотки. На полу лежала разбитая лампа. Я знала, что за дверью вода. Много воды. И что если он встанет, дверь откроется.

Мне нужно было прижать ткань сильнее. Я пыталась оторвать полосу от своего рукава, но мокрый шов не рвался. Северин сказал что-то совсем тихо. Я наклонилась к нему и почувствовала, как его губы задели мои пальцы. Не поцелуй. Попытка вдохнуть.

На ступеньке под нами лежал хлеб, расплюснутый каблуком. Я ненавидела этот хлеб. Почему-то именно он был невыносим: кто-то взял с собой поесть, рассчитывал проголодаться, вернуться, прожить обычный вечер.

За дверью ударило. Северин дёрнулся всем телом, но рука на моей ноге осталась. Я знала, где у него болит. Знала, как назвать его, чтобы он услышал. Имя уже поднималось в горле.

Потом воспоминание кончилось.

Я лежала на полу мастерской, Ильва держала мой подбородок. На её юбке расплывалось пятно: меня вырвало.

— Сколько?

— Минута.

Я хотела сесть. Пол поехал под плечом, и Лика быстро убрала ножницы.

— Минута с тех пор, как ты перестала отвечать, — уточнила она. — До этого ты сказала, что вода поднимается.

Моя рука всё ещё чувствовала чужую горячую кровь. Я разжала пальцы. На ладони была только вмятина от ручки ножниц.

— Дайте тряпку.

Ильва протянула влажное полотенце. Я тёрла кожу, пока она не забрала его.

— Сотрёшь.

— Там кровь.

Она посмотрела на ладонь и не стала спорить. Принесла другую тряпку, сухую.

Лика поставила передо мной таз. Я уцепилась за его края, стиснула холодный металл. Он не принадлежал лестнице. На ободке была вмятина, оставленная мной два года назад, когда я уронила утюг. Я провела по ней большим пальцем и смогла наконец понять, что сижу в мастерской.

— Какой сегодня день? — спросила Ильва.

Я назвала число.

— Где ты?

— В месте, где отвратительно обращаются с заказчиками.

Лика коротко засмеялась и сразу зажала рот. Ильва закрыла глаза на секунду, потом отпустила мой подбородок.

Меня трясло. Не крупно, как от холода, а мелко, внутри мышц. Я пыталась поставить ноги рядом, и одна пятка упрямо двигалась по полу. Лика накрыла мои колени пальто. Я не поблагодарила, потому что боялась открыть рот.

Ильва убрала таз.

— Что ты увидела?

Я рассказала. На слове «шея» пальцы сами сжались. Лика записывала, время от времени поднимая глаза. Она не исправляла мой порядок, хотя я начала с хлеба, потом вспомнила кровь, потом дверь. Когда я закончила, прочла всё вслух.

— Ты сказала: если он встанет, дверь откроется. Ты видела, как он её держал?

Я напряглась, пытаясь вернуться на лестницу. В виске сразу кольнуло.

— Нет. Знала.

Лика зачеркнула одно слово, написала над строкой другое.

— Так и оставим.

Ильва выслушала, не перебивая, и достала из кармана пожелтевший конверт.

Я поняла, что он всё время был при ней. Пока я ходила за Ликой, пока выбирала место на полу, пока разрезала нитку. Конверт лежал в её кармане, возле ножниц и леденцов от кашля.

— Отдай.

Она протянула его сразу.

Внутри была записка моим почерком.

«Я прошу отделить воспоминания, связанные с Северином Дарестом и расследованием книги приливов, до момента, когда смогу безопасно их вернуть. Связь не передавать Палате. Решение о возвращении принадлежит мне. Мира Вель».

Ниже стояла дата. Девять месяцев назад.

У слова «возвращении» бумага была чуть содрана. Я исправляла букву лезвием. На углу остался отпечаток моего напёрстка — маленький круг с тремя точками, там, где металл давно протёрся. Это была моя бумага, не только мой почерк.

— Что значит безопасно?

— Ты сказала: когда у них не будет твоей сестры.

— Но она у них.

Ильва отвернулась.

— Да.

Я посмотрела на свою подпись. Я знала, как легко заставить человека оставить подпись под правильными словами. Иногда достаточно поставить рядом чужую кровать и объяснить, кто умрёт первым.

— Почему ты не показала это раньше?

— Потому что Северин просил ждать.

— А я просила оставить решение мне.

Она не ответила.

— Ты каждый день носила это с собой?

— Не каждый.

— Где держала?

— В коробке с зимними квитанциями.

— Я разбирала её в августе.

— Я переложил.

Лучше бы она солгала. Я помнила душный августовский день, пыль, её просьбу вытереть полку. Она тогда принесла мне грушу. Я ела её над ведром, чтобы сок не попал на бумаги, и рассказывала, что мать снова купила лишнюю крупу.

Я сложила записку по старым сгибам. Один сгиб начал рваться, и я машинально прижала его ногтем.

— Когда я спрашивала про вторую кровать, ты говорила, что у матери свои привычки.

Ильва тихо сказала:

— Я не всегда могла удержать, почему она там.

— Но могла удержать, что от меня что-то скрываешь.

— Да.

Ли́ка перестала писать. В комнате стало тесно от её присутствия, но попросить её выйти я не хотела. Стоило остаться с Ильвой одной, и я снова могла превратиться в девочку, которая неправильно поняла старших.

Я потянулась к камзолу. Ильва положила руку на край бумаги.

— Сегодня больше нельзя.

— Убери.

Она убрала руку.

— Я не собиралась резать, — сказала я. — Я хотела посмотреть, что осталось.

Разомкнутый стежок почти не отличался от соседних. Между двумя точками входа появилась слабина. Я провела под ней обычную нитку, сделала пометку на бумаге, чтобы потом не искать заново. Это было всё, что я могла сделать безопасно и точно.

— Ты понимаешь, что увидела не всё? — спросила Ильва.

Я подняла на неё глаза.

Она торопливо продолжила:

— Не начало, не причину. Один участок. Если сделаешь выводы по нему...

— Я знаю, что такое участок. Я всю жизнь сшиваю их вместе.

Ли́ка закрыла блокнот и встала.

— Мира, у меня печь к вечеру прогорит. Если придёшь, уголь захвати. И хлеб, если сможешь.

Она сказала это так буднично, словно мы давно договаривались о ночёвке. Я посмотрела на неё, и она отвела взгляд, занявшись ремешком сумки.

— Приду.

Ильва села на пятки. Её лицо стало старше, чем мне хотелось видеть.

Я подождала, пока перестанет кружиться голова, и поднялась, держась за край стола. В мастерской ничего не изменилось. На вешалке висел подол прачки, на окне сохли мерки, на печи лежала рукавица с дырой под большим пальцем. Эту дыру я обещала зашить ещё вчера.

Свою сумку я нашла на крючке у двери. Сложила в неё ножницы, нитки и фотографию Теи. Камзол свернула подкладкой внутрь. Конверт положила отдельно, между двумя чистыми листами. Ли́ка предложила забрать записи до утра; я попросила переписать мне копию, но оригинал оставила у неё. Мне не хотелось опять держать все доказательства в одном месте.

Ильва стояла возле стола.

— Твои деньги в синей коробке.

— Я знаю.

— За серое платье уже заплатили. Я не успела записать.

Я открыла коробку. Две монеты лежали отдельно, под бумажкой с моим именем. Хотелось оставить их, чтобы она увидела, насколько мне ничего от неё не надо. Но у Ли́ки нужен был уголь, у матери кончалось масло, а гордость не могла оплатить дорогу к солеварням.

Я пересчитала деньги и взяла ровно своё.

Я сняла рабочий фартук. На нём было пятно от отвара Веры и прилипшая к боку золотистая соринка. Не нить, просто древесная пыль. Я встряхнула фартук и повесила на свой крючок. Потом сняла снова и сунула в сумку.

— Ключ оставишь? — спросила Ильва.

В её голосе не было требования. От этого вопрос оказался труднее.

Я положила ключ на стол.

— Если понадобится забрать остальное, приду, когда открыто.

— Ты можешь приходить в любое время.

Я не ответила. Это был её дом. Право входить, даже данное навсегда, всё равно зависело от человека по другую сторону двери.

— Где ты будешь? — спросила Ильва.

— Там, где мне не будут объяснять, когда я готова знать свою жизнь.

Это прозвучало красивее, чем я чувствовала. На самом деле мне было страшно уходить. Здесь я прожила почти половину своих девятнадцати лет. Здесь знала, какая доска скрипнет, где спрятаны деньги и сколько нужно подложить угля, чтобы утром вода не замёрзла в ведре.

Сумка получилась тяжёлой. Я перекинула ремень через плечо и сразу захотела попросить Ильву расправить его сзади. Всю жизнь она расправляла мне перекрученные ремни. Я поставила сумку на стул, поправила сама, снова подняла.

— Таз я вымою, — сказала она вдруг.

Я посмотрела на пятно на её юбке.

— Да.

Ничего другого у меня для неё пока не было.

Я всё равно вышла.

На углу стоял мальчишка с корзиной газет. Он выкрикивал объявление об Обряде обновления. Одиннадцать дней до брака хранителя с Радой Арвен. Надёжность стен. Благополучие города. Милость моря.

Газетчик придерживал листы подбородком, пока отсчитывал сдачу покупателю. На граюре под заголовком Северин смотрел прямо перед собой, молодой, здоровый, с обеими руками на эфесе парадной шпаги. Рядом поместили невесту. Между ними художник нарисовал стену, которой не было ни холодно, ни больно.

Я купила листок и завернула в него ножницы.

ГЛАВА 5

Белый дом

Лика не стала спрашивать, почему я пришла с сумкой. Подвинула на полке банки с фиксажем и сказала, что мои вещи будут пахнуть уксусом.

Я положила рядом с печью уголь, на стол — хлеб. До Соляного спуска пришлось идти медленно, останавливаясь перед каждой лестницей. В угольной лавке я села на мешок без разрешения. Хозяин принял меня за пьяную и велел не спать. Я сказала, что постараюсь.

— Поела? — спросила Лика.

Я посмотрела на хлеб.

— Не купила, а поела.

Она отрезала мне кусок, намазала чем-то тёмным из глиняной миски. Это оказался луковый жир. Я съела половину, от второй меня замутило. Лика убрала миску, не комментируя.

На кушетке лежала Тушь, растянувшись поперёк единственного одеяла. Мы с кошкой посмотрели друг на друга. Я отодвинула её задние лапы. Она вернула их на место.

— Вопрос жилья у нас решается переговорами, — сказала Лика.

— Кто выиграл в прошлый раз?

— Не я.

Я села на край, и Тушь милостиво свернулась у моего бедра. Тепло её живота оказалось такой неожиданной роскошью, что мне пришлось закрыть глаза.

Лика поставила лампу на ящик. Потом взяла лист бумаги и села напротив.

— Матери скажем, где ты?

Я сразу открыла глаза. Утром я ушла из дома, ещё не зная, что у меня есть сестра. Мать могла сейчас накрывать ужин на лишнего человека и не понимать, почему сердится на посуду.

Мы написали короткую записку: я останусь у Лики, со мной всё в порядке, утром зайду. Я дважды перечитала «всё в порядке» и зачеркнула. Написала: «Я не одна. Поем и посплю». Под этими словами можно было поставить подпись, не испытывая стыда.

Соседка Лики шла в наш квартал забирать бельё. За медяк она согласилась занести записку и дожждаться, пока мать её прочтёт. Я спустилась следом, чтобы назвать окно, но на лестнице стало темно перед глазами. Пришлось постоять, обняв перила. Лика молча принесла мне табурет.

Перед сном Лика пришла с блокнотом.

— Прочти копию, пока помнишь. Потом спать.

На бумаге лестница занимала полстраницы. Вместо крови была строка, вместо двери — два слова. Я проверила каждое. Добавила: «Я не видела, что находилось за дверью. Я знала, что там вода». Потом вписала отдельно красную фразу с камзола.

Лика поставила рядом дату. Я спросила, бывала ли она в Белом доме.

— У ворот. И в комнате ожидания. Дальше не пустили.

— Почему ты не сказала утром?

— Утром ты ещё не верила, что Тея существует.

Я перевернула карандаш и стёрла ногтем приставший к нему жир.

— Завтра пустят?

— Не знаю. Ты сестра. Это хоть что-то.

Я вынула фотографию. На ней Тея собиралась швырнуть ботинок в человека, которого знала и любила достаточно, чтобы не стараться выглядеть приличной. Я попыталась представить её руку в движении. Не получилось. Получилась только карточка, которую я качнула перед лампой.

Ночью мне снился хлеб. Не Северин, не вода: кусок на мокрой ступеньке, к которому я не могла дотянуться. Я проснулась, сжимая край кушетки. В темноте заскрипела пружина: Лика устроилась на полу на старом фоне.

— Здесь, — сказала она сонным голосом.

Я не спрашивала, но этого хватило. Тушь забралась мне под бок и колола живот когтями, пока выбирала место. Я терпела.

Утром мы отправились к солеварням.

Сначала зашли домой. Мать держала мою записку под солонкой. Она спросила, поессорилась ли я с Ильвой, и начала за неё заступаться. Я показала фотографию. Мать долго смотрела, потом спросила, что передать. Я не знала, попросила чистый платок. Она дала ещё два куска мыла.

— Первый потеряют, — объяснила она.

Я оставила на столе адрес Лики и написала крупно, куда мы идём. Мать поставила солонку на угол листа. Ей было важно, чтобы бумагу не унесло сквозняком.

До солеварен мы добрались пешком. Лика несла камеру под пальто. Я — свёрток и фотографию в жёсткой обложке, которую она сделала из старого фона.

Белый дом выглядел чистым издали. Вблизи известка осыпалась над дверью, а водосточная труба сливала дождь прямо на ступени. На крыльце стояла женщина в больничном халате. Она держала пустую чашку и смотрела на неё с искренним недоумением.

Я придержала дверь, решив, что женщина хочет войти. Она не двинулась. Внутри кто-то позвал её номером. Женщина повернула голову, но чашку оставила снаружи, на перилах. Я чуть не напонила про неё. Потом увидела, что на перилах стоят ещё две.

Привратник потребовал цель визита.

— К Тее Вель.

Он перевернул журнал.

— Таких нет.

— Восточное крыло. Двадцать три года. Светлые волосы. На правом колене шрам.

Откуда я знала про шрам, я не понимала. Лика быстро записала мои слова.

— Вам к тридцать восьмой, — сказал он. — Родство?

— Сестра.

— Подтверждение?

Я показала фотографию.

Он глянул на неё и пожал плечами.

— Карточки не принимаем. Допуск врача.

— Где врач?

Он указал на скамью. На ней сидел мужчина с сеткой яблок. Между его ног стояла банка мёда, завернутая в два полотенца. Лика села рядом, я осталась возле стола.

Ждать пришлось долго. Я считала тёмные квадраты пола, потом светлые. Часы над столом привратника шли, но стрелка застряла на одной черте. Мужчина с яблоками достал из кармана маленькую фотографию и подержал перед собой. Потом убрал. Потом достал снова.

— Первый раз? — спросил он, не глядя на меня.

Я кивнула.

— Не садитесь спиной к двери. Они тогда смотрят мимо вас, боятся, что пора обратно.

Он сказал это без желания продолжать разговор. Я поблагодарила и больше его не тревожила.

Когда открылась внутренняя дверь, я сразу встала. Вышла женщина в сером платье и несвежем белом переднике. Она прочла запись привратника, поморщилась и спросила, кто из нас сестра.

Врач оказалась усталой женщиной с забрызганными чернилами пальцами. Её звали Дена. Она отвела нас в маленькую комнату с умывальником и попросила показать снимок ещё раз.

— Это не удостоверяет родство для канцелярии, — сказала она. — Но для разговора со мной годится. Что вы о ней знаете?

Я перечислила возраст, работу, вещи из дома. На слове «ботинки» голос подвёл. Дена не стала ждать, когда я соберусь, спросила про мать. Мне было легче ответить на вопрос, чем успокоиться по просьбе.

— Вещи оставьте, я проверю. Острые предметы есть?

Я показала булавки на манжете. Дена принесла жестяную крышку. Я вытащила каждую, потом вспомнила иглу в подоле фартука, который так и лежал в сумке. Она молча ждала.

— Я швея.

— Вижу. Здесь вы посетительница.

На этой фразе мне захотелось с ней поссориться. Но она уже сняла с собственного воротника застёжку и убрала её в ящик, прежде чем повести нас дальше.

Дена сама отвела нас в восточное крыло.

— Не ждите, что она обрадуется, — сказала она. — Узнавание бывает с двух сторон. У неё тоже отняли часть связей.

В коридоре пахло варёной капустой и мокрым бельём. Двери были выкрашены до половины серым. На уровне плеч краска стёрлась, будто здесь очень многие останавливались, прислоняясь к стене. Одна дверь была открыта: за ней женщина расчёсывала волосы другой женщине, медленно, отделяя пряди пальцами. Они не посмотрели на нас.

Я несла платок. Он вдруг показался таким недостаточным, что захотелось спрятать его под пальто.

Тея сидела у окна и штопала чулок. Перед ней стояли три тарелки. В каждой лежал кусок хлеба.

— Один на сегодня, — объяснила она, когда заметила мой взгляд. — Один на потом. Третий, если забудут.

Я села напротив, боком к двери, как советовал мужчина в передней. Она подняла голову.

На фотографии лицо казалось совсем другим: не потому, что изменилось, а потому, что оно кому-то принадлежало. Здесь Тея смотрела на меня как на посетительницу, которая заняла нужный ей стул.

— Я Мира.

— Хорошо.

— Твоя сестра.

Она погладила чулок пальцами.

— Сегодня у меня уже была мать. Вчера муж. Вы можете договориться между собой?

Я прикусила внутреннюю сторону щеки.

Лица стояла возле двери. Дена присела рядом и спросила, можно ли показать снимок. Тея кивнула.

Она смотрела долго. Потом ткнула в ботинок.

— Правый жмёт.

Я выдохнула так резко, что заболело горло.

— Он дома. Я принесу.

— Не нужно. Всё равно никуда не пускают.

Я положила на стол платок и мыло. Тея спросила, нужно ли за это что-нибудь подписать. Я сказала, что нет. Она развернула платок, проверила уголки, потом поднесла к лицу. Я ждала, что она почувствует запах дома. Тея посмотрела ткань на просвет.

— Хороший. Не редкий.

Она спрятала мыло в ящик, но платок оставила рядом. На дне ящика я увидела кусочки ниток, деревянную ложку и пять пуговиц, выложенных в ряд. Одна пуговица была от мужского пальто, остальные маленькие, разные. Я отвернулась, прежде чем сестра заметила, что я смотрю.

— Можно я помогу? — спросила я, указав на чулок.

— Зачем?

— Я умею.

Тея протянула его мне, но иглу оставила у себя. Пятка протёрлась насквозь. Кто-то уже стягивал дыру слишком короткими стежками, и теперь ткань рвалась по краям штопки.

— Так натирает, — сказала я.

— Знаю.

— Если распустить здесь и положить шире...

— Знаю.

Я замолчала. От незваного совета вспыхнуло лицо. Я всю дорогу готовилась любить сестру, а первым делом объяснила ей, как делать её работу.

Тея забрала чулок. Некоторое время она распускала старую штопку, я держала тарелку, которую пришлось убрать с дороги. Крошки прилипали к пальцам. Сестра вытаскивала короткие ниточки и складывала их отдельно, хотя использовать их снова было невозможно.

Дена спросила, спала ли она ночью. Тея ответила, что под окном возили тележки. Дена записала. Потом спросила про ногу. Сестра сказала, что сегодня лучше, и натянула юбку ниже колена.

В коридоре кто-то закричал. Не от боли — сердито, требовательно. Потом послышались шаги и короткий удар. Дена встала и вышла, закрыв дверь.

Тея продолжала штопать. Игла у неё была тупая, с большим ушком; нить всё время цеплялась. Я смотрела на движение её рук и пыталась услышать хоть что-нибудь за дверью. Там говорили вполголоса. Это было страшнее крика.

— Ты работала в Палате, — сказала я. — Считала книги приливов.

Игла остановилась.

— У шестой опоры нет фамилий.

— Что?

— У шестой опоры нет фамилий, — повторила она. — Не пиши туда людей. Там только расход.

Лица шагнула ближе. Я услышала шорох её карандаша.

— Какие книги, Тея?

Она посмотрела на меня с раздражением.

— Если не сходится, не переписывай набело.

— Я не стану. Но мне надо знать...

Она спрятала чулок под подушку и вдруг крепко схватила меня за запястье.

— Если он скажет, что выбрал меньшее зло, спроси, чью часть он считал меньшей.

— Кто?

Но она уже отпустила меня.

На коже остались красные следы. Я почти не чувствовала их. Сестра поправила три тарелки, выровняла между ними расстояние и посмотрела в окно. Там была стена соседнего корпуса и узкая полоска неба.

— Тея, — позвала я.

Она не отозвалась. Я повторила имя тише. Лица коснулась моего плеча, и я вздрогнула.

— Дай ей посидеть.

Я хотела сказать, что у нас мало времени, что в любой момент нас попросят уйти, что девять месяцев уже потеряны. Но сестра сидела рядом, сжав пальцы на краю столешницы, и ещё одного моего требования сейчас не выдержала бы.

Мы молчали. Я впервые за весь визит посмотрела не на то, что могло подтвердить мою историю, а на её стул. На деревянном сиденье лежала сложенная наволочка вместо подушки. Подоконник продувало снизу. У Теи были холодные ноги; я видела, как она прячет ступни одну под другую.

— Можно я подложу туда ткань? — спросила я, показав на щель.

Она посмотрела и кивнула. Я достала полоску полотна из сумки, скатала, заткнула нижний край рамы. Лика подала тупой нож для хлеба со стола. Щель оказалась глубже, чем я ожидала. Пришлось сложить полотно ещё раз.

— Теперь не откроется, — сказала Тея.

— Можно вытянуть за конец. Вот здесь оставляю.

Она сама проверила, потянула чуть-чуть и отпустила. Потом передвинула стул ближе к окну.

Дена вернулась с рассечённой губой. Я хотела помочь, она покачала головой и поднесла к ране чистый платок.

— Больной?

— Санитар. Уже уволен. Не делайте из этого тайну, если будете рассказывать.

Она сказала Тее, что обед принесут сюда. Тея тут же указала на хлеб:

— Эти не забирать.

— Не заберут.

— Вчера говорили.

Дена зачеркнула что-то в листе, который держала в руке, и написала крупнее. Потом показала запись сестре. Тея прочла, кивнула, но тарелки придвинула к себе.

Перед уходом я спросила, можно ли забрать Тею домой.

— По закону — после восстановления поручительства. По совести — хоть сейчас. Практически её вернут через час и переведут туда, где у меня нет ключей.

Я оглянулась на сестру. Она снова доставала чулок. Наш разговор о её доме происходил над её головой, словно речь шла о кровати, которую надо перенести в другую комнату.

— Ты хочешь домой? — спросила я.

Тея задержала руку под подушкой.

— Я хочу, чтобы вы пришли тогда, когда скажете.

Мне пришлось вдохнуть два раза, прежде чем я смогла ответить.

— Я приду снова. Но сегодня не знаю когда. Сначала узнаю, в какие часы нас пустят.

Она посмотрела на Дену. Врач назвала время утренних посещений и добавила, что разрешение она запишет. Тея кивнула. Снимок лежал на столе; я предложила оставить его, но сестра подвинула карточку ко мне.

— Испачкается.

Я убрала фотографию. Не стала уверять, что можно пачкать дорогие вещи. Здесь такие слова звучали бы иначе, чем у Лики.

В передней Дена вернула мои булавки. Одну я никак не могла воткнуть в манжету. Лика забрала крышку и пересыпала мелочь в коробочку.

На копии заявления Дена написала имя сестры и номер комнаты, поставила дату и подпись. Я смотрела, как обычные чернила впитываются в бумагу. От записи ничего не засияло, не изменилось в коридорах. Но у меня появился лист, который можно было предъявить завтра.

Я спросила, чего сестре не хватает. Дена назвала тёплые чулки, мягкую обувь и несколько вещей, которые приходилось получать только через лечебницу. Я записала всё. Рядом с платком поставила маленькую галочку: хоть что-то из принесённого оказалось нужным.

У привратника всё ещё сидел мужчина с яблоками. Его вызвали, когда мы надевали пальто. Он поднялся слишком быстро, банка качнулась в сетке. Я придержала её, пока он расправлял ручки. Он не узнал меня или просто не стал показывать. Пошёл вслед за Деной, держа фотографию наготове.

На улице Лика сделала снимок окна восточного крыла. Вспышка ударила по мокрому стеклу, превратив его в белое пятно.

— Зачем? — спросила я.

— Чтобы завтра помнить, что мы здесь были. А не убедить себя, что нам показалось.

Я посмотрела на фотографию, ещё пустую и холодную в её руках.

— Дай мне следующую снять самой.

ГЛАВА 6

Шестая опора

Я нашла Северина у восточной стены. Он стоял на коленях возле каменного основания и держал ладонь в железном гнезде. Городские рабочие ждали в стороне с лопатами. Никто не разговаривал.

По стене шла тонкая золотая жилка. Там, где пальцы Северина касались железа, жилка становилась ярче. Она начиналась у его запястья, пересекала старый раствор между камнями и исчезала под деревянным щитом. На щите мелом нарисовали стрелку и написали: «Не складывать». Под ним были сложены мешки с песком.

До стены я добралась одна. Лица ушла домой сушить снимок Белого дома и переписывать то, что мы успели услышать от Теи. Она предложила пойти со мной, но мне хотелось задать вопрос, после которого нельзя будет сделать вид, что мы просто знакомые. Я боялась услышать ответ при свидетеле. Ещё больше боялась, что при свидетеле Северин выберет другие слова.

От солеварен до восточной стены можно было пройти по верхней дороге. Я пошла низом, через рыбный рынок. Там я всегда знала, куда смотреть: на цены, на руки торговцев, на края весов. Теперь у каждого встречного я замечала воротник. Не белеет ли кожа под тканью. Не держит ли человек плечо слишком неподвижно. Дважды я принимала муку за соль и оба раза чувствовала нелепое облегчение.

У стены меня остановил сторож в промасленном плаще.

— Приём со стороны набережной.

— Я к хранителю.

— Все к хранителю.

Он кивнул на людей под навесом. Женщина прижимала к груди свёрнутое одеяло, старик держал деревянную рейку с зарубками. Я сначала решила, что они пришли просить помощи, но старик повернул рейку, и на её мокром конце блеснула медная накладка. Люди ждали, пока им разрешат вернуться в дома и измерить уровень воды в подвалах.

— Мне только поговорить.

Сторож посмотрел на мои башмаки. Они были чистыми только сверху.

— Здесь «только» никого не касается. Стойте за верёвкой.

Я встала. Через минуту рабочий с перевязанным ухом попытался протолкнуть тачку между мной и стеной. Колесо провалилось в колею. Я автоматически подставила плечо под край кузова, мужчина выругался и дернул ручки. Тачка освободилась так резко, что я едва не упала.

— Пальцы убери, швея.

Я посмотрела на него.

— Откуда вы знаете?

Он указал подбородком на мою сумку. Из-под клапана торчал портновский метр.

— Не берегёшь. А потом ругать нас будете за кривые ворота.

Он покати тачку дальше, оставив меня с грязным рукавом и странным ощущением, будто город всё ещё способен заметить во мне что-то, кроме чужого тайного прошлого.

Северин повернул голову на шум. Узнал меня сразу, но не вынул руку. По его виску стекала капля пота, хотя ветер был холодным.

— Это больно? — спросила я.

— Сегодня все интересуются моим здоровьем.

— Если вы потеряете сознание, мне придётся ждать ответа до вечера.

Он с трудом улыбнулся. На секунду золотая жилка ослабла, и рабочий с перевязанным ухом поднял ладонь.

— Пока рано, господин хранитель. Нижняя не взяла.

Северин снова посмотрел на камень. Его пальцы чуть повернулись в железном гнезде. Я слышала, как где-то за щитом льётся вода, и никак не могла понять, должно ли её становиться меньше.

— Что вы делаете?

— Держу заслон, пока они освобождают дренаж.

— Насколько долго?

— До конца работы.

— Вы не знаете, когда она закончится?

Он не ответил. Мне стало ясно, почему здесь никто не разговаривал. Пока человек стоит на коленях и принимает на себя что-то невидимое, любая праздная фраза звучит неприлично.

Рабочий засунул железный прут под щит, нажал всем весом и велел остальным потянуть. Вода выплеснулась на мостовую. Вместе с ней выкатились чёрные листья, обломок корзины и мёртвая крыса. Женщина под навесом отвернулась. Старик с рейкой шагнул ближе, внимательно следя за потоком.

— Теперь можно, — сказал рабочий.

Северин вынул ладонь. Пальцы разжались не сразу. Он потёр их левой рукой, поднялся, придерживаясь за стену. Один из рабочих протянул тряпку.

— Спасибо, Павел.

Рабочий повернулся к сторожу, чтобы тот пропустил его за верёвку, и я услышала фамилию: Серт. Павел Серт. Я повторила её про себя, пока он возился с тачкой.

— Это вам спасибо. Опять не прислали людей.

Северин посмотрел на пустую площадку возле навеса.

— Сколько должно было быть?

— Четверо на смену. Нас трое с ночи.

— Я подписывал шесть.

Павел пожал плечами, будто разница между тремя и шестью была свойством погоды. Его спокойствие разозлило меня сильнее возможной жалобы.

Северин снял перчатку со второй руки и полез во внутренний карман.

— Не надо денег, — сказал Павел. — Мне людей надо. От денег лопата сама не пойдёт.

Он произнёс это без почтения, но и без вызова. Я ждала, что Северин обидится. Тот убрал руку и попросил карандаш.

Карандаш нашёлся у старика с рейкой. Северин записал что-то на обороте служебной карточки, поставил подпись и отдал Павлу.

— В контору, лично старшему смены. Если не пришлёт, пусть напишет отказ здесь же.

— Он бумагу оставит у себя.

Северин подумал, достал вторую карточку и переписал текст.

Я смотрела на его руку. Белый след вокруг запястья не был похож на украшение или шрам. Казалось, под кожей лежал тонкий шнур, который постепенно затягивали. Мне хотелось, чтобы он оказался неприятен во всём: тогда я смогла бы задать вопрос, получить ответ и уйти без остатка.

Павел забрал карточки. Северин повернулся ко мне.

— Вы были у неё?

Я кивнула.

— Она узнала вас?

— Не так, как вам было бы удобно.

Он опустил глаза на тряпку, которую всё ещё держал.

— Что случилось у шлюза?

Тряпка перестала двигаться в его пальцах.

За спиной у нас заскрипела тачка. Женщина под навесом громко спросила сторожа, можно ли уже идти домой. Он ответил, что надо дожидаться замера. Я вдруг услышала слишком много звуков сразу и поняла, что Северин молчит достаточно долго, чтобы я успела отступить. Я не отступила.

— Я закрыл ворота, когда Тея оставалась по другую сторону.

Слова были простыми. Я несколько раз повторила их про себя, прежде чем поняла.

— Вы её бросили.

— Да.

— Почему?

— Иначе вода пошла бы в рабочий тоннель. Там было семнадцать человек.

В Белом доме Тея держала три куска хлеба на отдельных тарелках. Я представила, как она стоит за закрывающимися воротами с той же сосредоточенностью, с какой прятала чулок. Не кричит. Просто ждёт, пока человек по другую сторону закончит выбирать.

— А кто загнал туда воду?

Северин посмотрел на стену.

— Я. Открыл обходной канал, чтобы мы могли попасть в архив. Я не знал, что нижнюю решётку сняли на ремонт.

Я отступила. Каменный край врезался мне в пятку. Море за стеной шумело ровно, словно ничего важного не произошло.

— Вы не проверили?

— Проверил старую схему. Новую отметку не запросил.

— Потому что спешили?

— Потому что считал, что знаю проход.

Он сказал это тихо. Мне захотелось заставить его повторить громче, чтобы услышали рабочие, женщина с одеялом, мальчишка у тележки. Потом я поняла, что хочу не свидетелей. Я хочу, чтобы ему стало так же тесно в собственном теле, как сейчас было мне.

— А Тея знала, что вы открываете?

— Знала, что мы идём через обход. Про снятую решётку никто из нас не знал.

— Она вам доверяла.

— Да.

Я смотрела на его лицо и не могла совместить его с лицом на лестнице. В воспоминании он истекал кровью, и мне надо было удержать её внутри. Здесь он был жив, стоял в двух шагах, и никакого полезного действия между нами не существовало.

— Вы рассказали мне об этом тогда?

— Да.

— И я всё равно...

Я не закончила. Мне было стыдно за женщину, чьё имя я носила. Я даже не знала, что именно она сделала после. Простила? Обняла? Нашла оправдание, потому что ей хотелось его любить?

— Вы вытащили меня с лестницы, — сказал Северин. — Это не означало, что вы простили меня.

— Не говорите, что я думала.

— Хорошо.

Он замолчал. Это молчание было правильным и невыносимым. Я не хотела, чтобы он спорил. Я не хотела, чтобы он соглашался. Я хотела увидеть тот день целиком, не получая его по кускам из чужого рта.

На стене висела доска с отметками приливов. Нижние цифры стёрлись от дождя. Я провела взглядом по зарубкам и спросила:

— Тея сказала: спроси, чью часть вы считали меньшей. Вы говорили ей про меньшее зло?

Северин закрыл глаза.

— Я сказал это вам. После. Не сразу.

— И что я ответила?

— Вы просили не говорить за вас.

Я жала зубы. Он был прав, и это оказалось ещё одной вещью, которую я ненавидела в нём сейчас.

Павел вернулся с доской для тачки. Он заметил нас, замедлил шаг и спросил у Северина, можно ли засыпать канаву. Северин посмотрел на воду, велел сначала проверить нижнее отверстие. Павел ушёл, а мы оба проводили его взглядом, благодарные за несколько секунд, в которые можно было заниматься чем-то понятным.

— Я могу дать вам запись того, что произошло, — сказал Северин. — По времени. С тем, что сделал сам. Не историю о том, почему у меня не было выбора.

— Кому вы её уже дали?

Он убрал тряпку на край бочки.

— Начальнику стражи, когда составляли отчёт об аварии.

— И?

— В отчёте причиной назвали повреждение решётки.

— А вас?

— Моё действие записали как аварийное закрытие.

— Удобно.

— Да.

Я ждала продолжения: что он возражал, что пытался изменить, что отец или совет ему не позволили. Северин ничего не добавил. По его лицу я не могла понять, молчит ли он потому, что заслужил обвинение, или потому, что опять оставляет для меня только часть.

— Напишите, — сказала я. — Я хочу прочитать.

— Хорошо.

Я не поблагодарила. Он не ждал благодарности, но всё равно отвёл глаза, и я увидела, насколько ему хотелось услышать хотя бы слово, которое не ранит.

У ворот поссорились двое рабочих. Один хотел снять последний щит и проверить проход, второй показывал на людей, которые ждали возвращения домой. Северин сделал движение в их сторону, остановился.

— Идите, — сказала я.

— Вы можете уйти.

— Я знаю, где дверь.

Он коротко кивнул и подошёл к рабочим. Я осталась возле бочки. Мне казалось, что ноги не держат, но если сесть, пришлось бы признать это при всех.

Спор кончился не приказом. Северин попросил показать, где вода останется после засыпки. Рабочий чертил мокрым пальцем по камню. Старик с рейкой вмешался, назвал номер своего двора, объяснил, что у них сток выходит ниже. Через минуту они все присели вокруг нелепого чертежа. Я смотрела на плечи Северина и думала о том, что человек способен слушать старика и всё равно однажды закрыть ворота перед моей сестрой. Одно не отменяло другого. Но мне хотелось простого мира, в котором отменяло.

Когда решили оставить щит открытым до следующего замера, сторож отпустил людей к домам. Женщина с одеялом прошла мимо меня. Из свёртка высунулась морда маленькой собаки. Всё это время я думала, что она держит ребёнка.

Собака посмотрела на нас с мокрым презрением. Я неожиданно выдохнула. Северин, возвращавшийся от стены, заметил её тоже.

— У неё лапа сломана, — сказал он. — Поэтому на руках.

— Вы всех здесь знаете?

— Нет.

— Но хотите, чтобы я так подумала?

Он остановился.

— Я хотел сказать, почему её несут.

Я отвернулась. Злость начала попадать мимо цели, и от этого делалось только хуже.

Павел протянул мне чистый кусок мешковины.

— Рукав вытри. Засохнет — не отдерёшь.

Я взяла. Северин подождал, пока я соскоблю глину. Он не предложил помощи и не попытался забрать сумку, хотя ремень, наверное, оставил на моём плече видимую складку.

— Тея сказала про шестую опору, — произнесла я наконец. — Что там?

Он провёл ладонью по лицу.

— Старый распределитель. Он собирает линии восточного берега.

— Тот, который вы сейчас держали?

— Этот отвод от пятой. Шестая дальше, под насосной. Там соединяются несколько кон-
туров.

— Проведите меня.

— Туда нельзя...

Я ждала.

Он опустил руку.

— Туда нельзя войти по моему обычному допуску. Нужен инженер. Я могу найти человека, который поможет.

— А если я скажу, что пойду без вас?

— Тогда я дам вам схему лестниц. И скажу, какие ступени нельзя нагружать. Но дверь в распределитель открывается изнутри смены, а подделывать технический пропуск я не умею.

Я посмотрела на его пояс. На нём висела небольшая связка ключей.

— Для хранителя у вас мало ключей.

— Для человека, который должен являться, когда позовут, достаточно.

Эта фраза прозвучала почти жалобой. Он сам это услышал и выпрямился.

— Извините. Я не...

— Не надо. Кого вы можете найти?

— Раду.

Я посмотрела на него.

— Вашу невесту?

— Да.

В этот момент я впервые поняла, насколько мало знала о предстоящей свадьбе. Газеты писали о родах, союзе, стенах. Ни в одной не было сказано, хочет ли невеста замуж. Я видела её гравюру рядом с его портретом: гладкая причёска, высокий ворот, взгляд мимо художника. Всё, что я успела придумать о ней, происходило из воротника.

— Ещё одна женщина, которой вы обещали всё объяснить позже?

Северин посмотрел так устало, что я пожалела о словах раньше, чем он ответил.

— Она обычно требует объяснить раньше, чем я успеваю начать.

— Она знает обо мне?

— Знает, что я любил вас.

Прошедшее время ударило неожиданно сильно. Я рассердилась на себя за то, что заметила.

— И что вы любите сейчас?

Он не отвёл взгляда. Это было хуже, чем если бы отвёл.

— Сейчас я пытаюсь понять, могу ли отвечать на этот вопрос так, чтобы это не стало ещё одним способом на вас давить.

Я подняла с земли обронённую рабочим рукавицу и положила на бочку.

— Можете начать с того, чтобы перестать решать это за меня.

Он кивнул.

Перед уходом Северин вернулся к стене, записал последний уровень воды и отдал журнал сторожу. Я видела, как он медленно натягивает перчатку на большую руку. Мне захотелось сказать, что кожа не успеет высохнуть и разойдётся. Я промолчала. Он справился сам.

До инженерной конторы мы шли молча. У булочной пришлось пропустить телегу с мукой. Северин встал со стороны дороги, я машинально сдвинулась к нему, и наши рукава соприкоснулись. Я отступила слишком резко. Он сделал вид, что смотрит на лошадь.

Я ненавидела своё тело за эту невнимательность. Оно помнило расстояние между нами лучше, чем я помнила имя сестры. В тесном проходе под аркой я заранее знала, как он повернётся, чтобы не задеть меня плечом. Знание было маленьким и бесполезным, как сохранившаяся пуговица от сгоревшего платья.

У конторы пахло углём и горячим металлом. Из верхнего окна высунулась женщина и потребовала перестать складывать пустые ящики на лестнице. Северин поднял голову, но она уже исчезла. Я впервые за день подумала, что человек, с которым мы идём встретиться, может оказаться занят чем-то другим, кроме моего прошлого.

На узкой лестнице Северин пропустил меня вперёд и не положил ладонь мне на спину, хотя я каким-то мучительно точным образом знала, что раньше он делал именно так.

ГЛАВА 7

Невеста

Рада Арвен встретила нас в испачканных машинным маслом брюках. На столе лежал свадебный венец, придавленный разводным ключом.

— Если вы насчёт рассадки, — сказала она Северину, — я предпочитаю место за пределами города.

Потом увидела меня.

— А. Значит, всё-таки подкладка.

Мне надоело быть последним человеком, которому объясняют мою жизнь.

— Вы тоже знали?

— Что в камзоле спрятано имя — нет. Что Северин добился передачи заказа именно Ильве — да.

Я повернулась к нему.

— Вы подстроили?

— Попросил вернуть вещь туда, где вы сможете её увидеть. Больше ждать было нельзя.

— А карточку на порог положила Лика, — сказала Рада. — По моей просьбе. Она решила, что прямому письму ты не поверишь.

— Отлично. Вы устроили мне маленькую экскурсию по собственной голове.

Рада отложила ключ.

— Да. Плохой способ. Другого мы не придумали.

— Вы пробовали прийти и сказать?

Она выдержала мой взгляд.

— Нет.

В комнате стало тихо. Снизу доносились удары молотка, размеренные, с короткой паузой после каждого третьего. Я была благодарна ей за то, что она не стала украшать ответ. Но благодарность не мешала мне думать, что сейчас я развернусь и уйду.

Рада, видимо, прочитала это по моему лицу.

— Дверь не заперта. Если захочешь уйти, Северин расскажет мне только про шестую опору. Про тебя — ничего.

— Вы уже достаточно рассказали друг другу.

— Вероятно.

Она пододвинула стул. Я осталась стоять.

На гравюре у Рады были круглые серьги. В жизни — одна маленькая серёжка и свежее пятно машинного масла под второй мочкой. Волосы она собрала в узел карандашом; концы вылезали во все стороны. На переносице остался след от защитных очков. Мне стало стыдно за собственный приготовленный взгляд: я пришла оценивать женщину, чьего жениха когда-то любила, а она стояла передо мной с обожжённым пальцем и, кажется, не спала всю ночь.

— Шестая опора, — сказал Северин.

Рада указала на дверь.

— Закрой, пожалуйста. Здесь всё сквозит.

Он закрыл. Я заметила, что она попросила его без осторожности, которой все вокруг оборачивали титул. Словно он был человеком, способным закрыть дверь с первого раза.

Рада достала чертёж стены. Шесть опор поддерживали приливный заслон; между ними тянулись пометки, напоминающие выкройку огромного платья. Подписей было столько, что отдельные участки бумаги потемнели. На сгибах чертёж подклеили тканью, причём криво.

Я разгладила один загнувшийся край. Рада сразу поставила на него маслёнку.

— На шестой падает больше половины нагрузки, — сказала она. — По отчётам там стоят новые насосы. В действительности — старые. Во всяком случае, серийные таблички снаружи старые. Внутри меня месяц не пускают.

— Почему?

— То санитарная обработка, то закрытая поверка, то нет ответственного. Ответственный на каждой бумаге другой.

— А вы можете потребовать?

— Требовала. Мне прислали приглашение на примерку венца.

Она подняла ключ, и лёгкая золотая дуга на столе качнулась. Несколько подвесок тихо звякнули. Это был красивый звук. Я вдруг возненавидела его за неуместность.

— По отчётам нижний город должен выдерживать обычный прилив без дополнительных клятв, — продолжила Рада. — В действительности каждую зиму мы зашиваем в стену больше людей.

— Людей?

— Их обязательства. Но платят телом.

Северин снял перчатку. Соль тянулась от запястья к локтю. В дверях мы почти соприкоснулись руками, и я ничего не почувствовала через ткань. Теперь белая полоса казалась такой грубой, что от неё должен был рваться шёлк.

— Я принимаю часть нагрузки, — сказал он. — Раньше думал — основную.

Рада постучала по чертежу.

— Твоя часть видна. Чужая проходит по расходным книгам. Вот здесь каждый раз добавляют «временный резерв». Временный — это до следующего утверждения. Следующее утверждение продлевает предыдущее.

Она показала мне три листа. Даты различались, формулировка оставалась той же. Я не умела читать технические обозначения, но хорошо узнавала работу, которую перешивали столько раз, что под первоначальной тканью образовалось отдельное платье.

— Почему вы уверены, что насосы не справляются? — спросила я.

Рада откинула край чертежа. Под ним лежал журнал.

— По углу.

Я посмотрела на неё.

— Новый насос не работает на благословении. Ему нужен пар. Если бы все три действительно запускали на ту мощность, которую здесь указывают, угля уходило бы больше. Или воду отводили бы вручную. Но число рабочих сократили.

— Северин только что подписывал ещё людей.

Рада перевела взгляд на него.

— К пятой?

Он кивнул.

— Каждый раз одно и то же. Ладно. Хоть подпись сохрани.

Она не сказала «молодец». От этого её слова прозвучали почти заботливо.

В дверь постучали, и в комнату вошёл помощник с деревянным подносом. На подносе лежала не еда, а мокрый цилиндр, обмотанный грубой тканью.

— Течёт опять.

— Конечно, — сказала Рада. — Иначе было бы слишком приятно.

Она взяла цилиндр, повернула к свету и велела поставить таз под край стола. Из ткани действительно капало. Я подумала, что сейчас нас попросят уйти, но Рада подвинула чертёж, освободила место и подала помощнику тонкий стержень.

— Держи. Только не за это, прижмёт.

Северин шагнул к столу. Рада остановила его локтем.

— У тебя рука. Мира, ты можешь подержать край? Вот здесь, где сухо.

Я подошла раньше, чем успела решить, хочу ли помогать. Материал был плотный, промасленный, с двойной строчкой. Под пальцами я почувствовала натяжение, знакомое по туго посаженным рукавам.

— Его неправильно сшили.

Помощник посмотрел на меня с обидой.

— По образцу.

— Образец был распоротый или собранный?

Он замолчал.

Я повернула цилиндр. Шов ушёл наискось, потому что одна сторона была выкроена вдоль нити, другая поперёк. В сухом виде разницу можно было не заметить. Под водой ткань потянулась неравномерно, и край вывернуло.

— Здесь надо менять весь ворот, — сказала я. — Если просто подтянуть, откроется рядом.

Рада присела, чтобы увидеть шов на уровне глаз.

— Покажешь?

Я вынула из сумки метр. Через минуту мы все стояли вокруг маленького насоса, который никак не желал быть меньше настоящих проблем. Рада спрашивала коротко и точно. Я отвечала, показывая на ткань. Северин принёс чистый лист и начал записывать размеры левой рукой. Помощник уже не обижался: он держал цилиндр и ворчал на человека, который прислал ему неправильный образец.

— Это для шестой? — спросила я.

— Нет, для прачечной. Если доведём уплотнение, они смогут поднимать воду без двух человек у колеса.

— Всего двух?

Рада посмотрела на меня.

— Двух на каждой смене. Каждый день. У одной из них больная спина.

Я опустила глаза на метр. Мне стало неловко. После Белого дома всё небольшое казалось недостаточным, будто помочь одному человеку — значит забыть остальных.

Мы распустили верхний ряд. Я показала, где надо добавить припуск, и заколола ткань булавками. Рада пообещала помощнику новый кусок парусины из своего запаса. Он спросил, нужно ли оформлять выдачу. Она велела оформить, чтобы потом самой же не обвинить его в пропаже.

Когда дверь закрылась, на столе остались мокрые пятна и несколько ниток. Я собрала нитки в ладонь. Рада заметила это и подставила пустую чашку.

— У меня тоже всё цепляется за рукава, — сказала она. — Только железное.

Я впервые посмотрела на неё без заранее приготовленного смысла. Мне не хотелось быть её подругой. Но с ней оказалось можно работать.

Северин вернул мне метр. Он был аккуратно сложен, слишком аккуратно для человека, который взял его на минуту. Я вспомнила, что раньше кто-то всегда скручивал мой метр в тугий круг, а я распускала, потому что он от этого завивался. Воспоминание не имело лица. Я развернула ленту и сунула в сумку как попало.

— Что даст свадьба? — спросила я.

Рада сняла венец с чертежа. Под ним остался жирный круг.

— Мой род отвечает за землю под восточным берегом. Род Северина — за городские клятвы. При браке архивы соединят. Все действующие обязательства обоих округов можно будет распределять через один узел. Официально мы добровольно разделяем заботу о Велере.

— А неофициально?

— Пока не знаю. Поэтому замуж я ещё не вышла.

— Вы можете отказаться?

Она усмехнулась.

— Могу. Тогда Палата обвинит меня в срыве защиты, кредиторы заберут мастерские отца, а свадьбу проведут с моей двоюродной сестрой. Ей семнадцать. Мне двадцать два. Я предпочитаю сначала посмотреть чертежи.

Я посмотрела на Северина. Он стоял у окна, держа перчатку за пальцы.

— А вы?

— Могу отказаться. И получить нового хранителя, который подпишет то, что ему принесут.

— Вы оба считаете себя незаменимыми.

Рада не рассердилась.

— Иногда. Это очень удобная мысль, когда страшно выбрать что-то прямо сейчас. Я пытаюсь отличить её от расчёта.

Она взяла чистый лист и нарисовала два круга, соединила линией.

— Пока архивы отдельные, я могу требовать проверки наших обязательств до передачи. После соединения это будет общее хозяйство, и мне скажут, что я уже согласилась на порядок управления. Я не собираюсь ждать этого дня с завязанными глазами.

— А если не успеете?

Рада провела карандашом по соединяющей линии, но не перечеркнула её.

— Тогда придётся сорвать обряд. Пока я хочу знать, что именно сорву.

Внизу хлопнула дверь. Раздались быстрые шаги, и помощник вернулся с испуганным лицом.

— Госпожа Арвен, к вам от устроителей.

— Я занята.

— Они уже поднялись.

Вошла женщина с высокой причёской, завёрнутой в тонкую сетку. За ней молодой человек нёс длинную коробку. Они остановились при виде меня и Северина, затем женщина улыбнулась так, словно обнаружила приятную сцену для будущей гравюры.

— Как хорошо, что вы вместе. Мы как раз принесли образцы.

Рада вытерла руки ветошью.

— Образцы чего?

— Лент. Для соединения рук.

Молодой человек открыл коробку. На белой подкладке лежали четыре полосы: золотая, серебристая, тёмно-синяя и белая. У каждой края были прошиты мелкими узелками. Я наклонилась, прежде чем подумала, как это выглядит.

Женщина заметила мой интерес.

— Вы от мастерицы? Очень хорошо. Госпожа Арвен всё никак не выберет.

Рада посмотрела на меня. В её взгляде не было просьбы играть роль. Я сама взяла синюю ленту, провела пальцем по краю.

Обычная вышивка. Ни запаянной петли, ни второго входа. На секунду я почувствовала почти стыдное облегчение: не всё, что было связано с этим браком, уже оказалось ловушкой.

— Этой будет больно, — сказала я.

Женщина перестала улыбаться.

— Простите?

— Край жёсткий. Если затянут, оставит след. Особенно на мокрой коже.

— Во время обряда руки не будут мокрыми.

Северин тихо произнёс:

— Будут.

Женщина посмотрела на его запястье и быстро отвела глаза.

Рада взяла белую ленту.

— Оставьте эту. Остальное заберите. Расписание примерок передайте письменно.

— Но ещё нужно решить, кто будет стоять справа...

— Письменно.

В голосе Рады не было угрозы. Просто место для дальнейшего разговора закончилось. Когда посетители ушли, она бросила ленту на венец и села на подоконник.

— Я четыре года училась считать нагрузку на опоры, — сказала она. — Теперь мой главный вклад — не морщиться на примерке.

— Вы могли сказать, кто я, — произнесла я.

— Могла. Ты сама решила ответить ей про ленту. Я не хотела отнимать у тебя единственную минуту в этой комнате, когда ты знала больше всех.

Я не сразу нашла, что сказать. Потом всё-таки села на подвинутый стул.

Мы проговорили ещё почти час. Рада показала путь к шестой опоре: главный спуск, складской вход, переход между трубами. Я перерисовала только то, что могла понять. Северин объяснил, где он способен открыть служебный затвор, а где его печать ничего не даст. Рада вычеркнула два предложенных прохода: один заливало даже в отлив, второй перекрыли прошлой зимой.

— Вот поэтому вы не пойдёте вдвоём, — сказала она.

— Я не предлагал, — ответил Северин.

— Ты успел подумать.

Он не стал отрицать. Я почувствовала неожиданную злость на их лёгкость: они могли угадывать привычки друг друга, тогда как мне приходилось учиться заново даже его молчанию. Потом Рада потянулась за маслёнкой и опрокинула чашку с нитками. Северин одновременно с ней нагнулся, они столкнулись лбами и оба выругались. Лёгкость оказалась не такой уж изящной.

Мне пришлось рассмеяться. Рада, потирая лоб, посмотрела на меня с облегчением, которое я не ожидала увидеть.

— Завтра в пять утра осмотр, — сказала она, когда мы собрали нитки. — Я беру двух помощников. Лика пойдёт отдельно, через склад. Если охрана остановит, ты проверяешь крепёжные швы.

— Кто выдаст мне бумагу?

— Я. Под свою ответственность.

— А если спросят, где я раньше работала?

— Скажешь правду. У Ильвы. Имя она заработала хорошее, хотя с людьми у неё, как я понимаю, сложнее.

— А Северин?

— Будет выглядеть влиятельным. Иногда это полезно.

Она написала допуск, оставив место для моего имени. Я вписала его сама. Рада внимательно посмотрела на подпись, но не прокомментировала кривой последний штрих.

Северин ушёл вниз выяснять, можно ли получить сухие плащи. Мы остались вдвоём. Я подняла сумку, и Рада задержала меня у двери.

— Не считай меня хорошей только потому, что я не мешаю вам любить друг друга.

Я замерла.

— Вы не знаете, что между нами.

— Верно. Неудачно сказала. Потому что я не требую от него изображать жениха там, где это никому не нужно.

Она провела пальцем по краю допуска, выравнивая бумагу.

— Мой отец подписывал эти отчёты. Я долго не задавала вопросов, потому что мне нравилось получать деньги на собственные проекты.

— На насос для прачечной тоже?

— На него тоже.

Я представила мокрый цилиндр на столе и женщину с больной спиной. В этом было что-то особенно мерзкое: полезная вещь не переставала быть полезной от того, чем за неё запла-тили.

— Вы его покрываете?

— Пока да. Я хочу найти доказательства прежде, чем решать, что делать. И понимаю, как это звучит.

Рада подняла глаза. Я не увидела в них просьбы оправдать её, но увидела страх. Это немного изменило комнату. Венец на столе перестал казаться шуткой.

— Если завтра окажется, что деньги украли, вы дадите мне прочесть отчёты?

— Да.

— Даже если там его подпись?

— Именно поэтому.

Я убрала допуск в сумку, отдельно от ножниц.

Впервые за последние сутки кто-то предложил мне правду, которая была неприятна прежде всего ему самому.

ГЛАВА 8

Вода под полом

К шестой опоре мы спустились по лестнице, которую когда-то красили в зелёный цвет. Краска отваливалась вместе с ржавчиной. Рада проверяла каждую ступень носком сапога и ругалась вполголоса. До обряда оставалось девять дней. В пять утра город ещё не успел притвориться сухим: вода блестела на ставнях, капала с бельевых верёвок и собиралась в продавленных следах телег.

Северин шёл последним. Я слышала его дыхание и злилась на себя за то, что прислушиваюсь.

У верхней двери остались оба помощника Рады. Дверь открывалась наружу и норовила захлопнуться от каждого порыва ветра; один парень подложил под неё брус, второй проверял верёвку, которую мы собирались использовать, если нижний выход окажется затоплен. Рада заставила их повторить, что делать при тревоге. Не спускаться всем сразу. Оставить человека у двери. Послать за врачом, а не за начальником.

— Вас за это уволят, — заметил старший.

— За что именно?

— За последнюю часть.

— Тогда первым делом позови врача, чтобы я дожила до увольнения.

Он усмехнулся и затянул узел. Мне понравилось, что Рада не сказала ему не бояться.

На середине лестницы у меня зацепился подол. Северин остановился выше, придерживая фонарь так, чтобы я видела край ступени. Он не потянул меня за плечо и не стал освобождать ткань. Я сама сняла её с ржавого зубца, нащупала дырку и спрятала раздражение в сумку вместе с оторванной ниткой. Платье было моё единственное достаточно тёплое. Шестая опора уже обошлась мне дороже, чем людям, подписывавшим отчёты.

Внизу пахло железом, мокрым деревом и чем-то сладковато-гнилым. Работал один насос из трёх. Два остальных разобрали так давно, что внутри выросла плесень. Рядом лежал брезент с круглыми следами снятых деталей. Под полом перекатывалась вода.

Рада не подошла сразу к действующему насосу. Она поставила фонарь у стены и присела возле пустого основания. Провела пальцем по болту, посмотрела на рыжую пыль.

— В отчёте вчера была полная готовность.

— Возможно, готовность к сборке, — сказал Северин.

Он услышал собственные слова и отвёл глаза.

— Я не оправдываю. Пытаюсь понять, что мне показывали.

Рада вынула линейку. На пустом месте должны были стоять две машины, каждая выше меня. Я представила, как их разбирали: люди приносили ключи, снимали кожухи, выносили тяжёлые части, возвращались за следующими. Это не могло произойти незаметно. Кто-то заказывал телегу. Кто-то держал дверь. Кто-то писал, что всё готово.

На столике смотрителя стояла кружка с засохшим кольцом на дне. Под ней лежал лист, исписанный столбиками. Я хотела поднять его, но Рада остановила меня.

— Сначала посмотри, как лежало. Лика должна снять.

Я убрала руку. В мастерской я могла распороть чужую ошибку и предъявить две разъединённые детали. Здесь повреждённая бумага могла оказаться важнее починенного насоса.

Над машинами висела полоса ткани шириной в ладонь. Золотые нити сходились на ней в пучки, уходили в стены, возвращались. В свете фонаря вышивка казалась живой. Полосу натянули на деревянную раму; в нескольких местах дерево потемнело от воды, но ткань оставалась сухой. У её нижнего края дрожал крохотный соляной нарост, похожий на грубо вылепленный зуб.

Я приблизила лупу.

— Свет чуть ниже.

Северин опустил фонарь. Его плечо оказалось возле моего лица; мокрая шерсть пахла дорогим мылом и тем самым подземным холодом, который быстро делал всех одинаковыми. Я передвинулась на полшага, чтобы рукав не касался рукава.

Мелкие повторяющиеся узлы. Двойной проход, которого не видно с лица. Прозрачная смола прятала конец старой нити. Я знала такую работу по платью вдовы. Там чужое обязательство удерживалось на нескольких стежках; здесь добавления шли одно за другим, и каждый ряд был аккуратно спрятан под следующей складкой.

— Это пришили позже, — сказала я.

— Насколько позже? — спросила Рада.

— По ткани не скажу. Но исходная строчка успела вытянуться. Её не распускали, новую провели через готовые петли. Видите дырочки? У старой иглы был плоский конец. У новой — круглый.

Рада наклонилась, и я подвинула лупу. Она смотрела серьёзно, не изображая понимания.

— Я вижу две дырки вместо одной.

— Этого достаточно.

Северин поднял свободную руку к полотну и остановился, не коснувшись.

— Можно понять, чьи это обязательства?

Я нашла маркировку. Цифры вместо имён. Шестьсот восемнадцать. Семьсот два. Восемьсот сорок один. Между ними повторялась маленькая косая черта. Нить под ней была туго натянута, хотя вокруг ткань провисала.

— Эти номера что-нибудь значат?

Рада вернулась к столу. Надела перчатки, осторожно сдвинула кружку и раскрыла расходную книгу на ближайшей закладке.

— Шестьсот восемнадцать — обслуживание участка. Семьсот два — резерв. Восемьсот сорок один — сезонное усиление. Тут нет фамилий.

Она перевернула страницу. Потом ещё одну.

— И часов нет. Количество единиц, срок проводки, подпись о приёме. Будто это уголь.

— Резерв должен быть поимённым, — сказал Северин.

Я посмотрела на него. Он всё ещё держал фонарь у полотна, хотя я уже отошла. Свет ложился на его запястье, на белёсую линию под кожей.

— Должен, — повторил он тише.

Из-за трубы послышался всплеск. Я вздрогнула и ухватила за ножницы. Лица появилась из бокового прохода, мокрая по пояс. Камеру она держала над головой в промасленном мешке. Волосы прилипли к щекам, на подбородке дрожала капля.

— Проход не заливало, — сказала она Раде. — В той части, которую вы мне показали. А за поворотом у него были свои соображения.

— Почему не вернулась?

— Разворачиваться было мокрее.

Лица поставила мешок на ящик, вытерла руки о верхнюю, почти сухую часть куртки и вынула камеру. Я дала ей носовой платок. Она посмотрела на него с такой благодарностью, будто я предложила ей сухой дом.

— Для стекла, — предупредила я.

— Жестокая женщина.

Первый снимок она сделала с лестницы: все три основания, столик, рама над насосом. Второй — ближе. Рада держала линейку возле отверстий под крепления. Мне пришлось прижать непослушную полу её плаща, чтобы она не закрывала пустое место. Вспышка осветила свод, и я увидела старые водяные полосы над нашими головами. Насколько высоко здесь когда-то стояла вода.

В темноте за трубами кто-то выругался.

Смотритель вышел, застёгивая куртку. На одном сапоге у него была обмотка из верёвки: подошва отходила. Он увидел Северина и побледнел. Не поклонился — просто застыл с пуговицей между пальцами.

— Господин хранитель. Осмотр назначали к восьми.

— К пяти, — ответила Рада. — В вашем экземпляре могли исправить. Покажете потом. Сейчас скажите, где снятые части.

Смотритель посмотрел на пустые основания.

— В ремонте.

— Где ремонтируют?

— На верхнем дворе.

— На каком? Я была вчера на обоих.

Он опустил руки. У него оказался шрам поперёк ногтя, старый, от удара молотком. Я почему-то смотрела на него, пока Рада говорила.

— Кто подписал полную готовность?

— Я не пишу полной готовности. Я пишу, что дежурство принято.

Она развернула к нему книгу.

— Вот здесь ваша подпись?

— Моя.

— А заголовок вы читали?

— Мне давали листы без заголовка.

Лица подняла камеру. Смотритель заслонил лицо ладонью.

— Не меня. Я сюда на смену прихожу.

Она опустила объектив к книге.

— Тогда уберите руку с бумаги.

Он подчинился. Я не знала, верю ли ему. Разобранные насосы находились слишком близко, чтобы их можно было не заметить. Но от его страха мне не стало легче.

Рада спросила, где оригинальные поручительства. В центральном архиве. Кто приносит новые нити? Служба регистратора Орена. По каким дням? По-разному, иногда после вечерней смены, иногда перед приливом. Смотритель отвечал всё быстрее, словно надеялся закончить разговор прежде, чем успеет сказать что-нибудь наказуемое.

— Орен лично? — спросил Северин.

— Иногда. Господин хранитель, я только механик.

Рада посмотрела на разобранные насосы.

— Плохой.

Смотритель открыл рот, сжал его и подошёл к стене. Я подумала, что он собирается уйти. Вместо этого он вытащил из щели под трубой связку промасленных листов.

— Это оставьте. Это моё.

Рада взяла верхний.

Заявка на прокладку. Заявка на подшипник. Повторная заявка на прокладку, уже другой датой. На трёх листках стояло: «Отложить до распределения». На четвёртом ответили, что материалы выданы, и рядом чужой рукой приписали: «Получателя установить».

Рада долго смотрела на бумагу.

— Я погорячилась, — сказала она наконец.

Смотритель не принял извинение и не отверг. Только забрал листок за угол, как берут вещь, которую уже пытались отнять.

— Можно снять? — спросила Лица.

— Без меня.

— Без вас.

Он положил связку на ящик. Северин хотел что-то сказать ему, но в этот момент действующий насос сбился с ровного стука. Два удара прошли почти одновременно. Следующий запоздал.

Смотритель поднял голову.

Рада уже шла к машине.

— Сколько это продолжается?

— С ночи сильнее. Я направил наверх.

— Что направили?

— Мальчишку. Сказал, чтоб привёл кого-нибудь со двора.

Под подошвами глухо толкнулось. Не так, как плескалась вода раньше: снизу ударили всей тяжестью, и настил приподнялся у стены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.